

INSPIRIA

ПАНДЮРА

СЬЮЗЕН СТОКС-ЧЕПМЕН

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты

Сьюзен Стокс-Чепмен

Пандора

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Стокс-Чепмен С.

Пандора / С. Стокс-Чепмен — «Эксмо», 2022 — (Novel.
Мировые хиты)

ISBN 978-5-04-170768-2

Дебютный роман британской писательницы Сьюзен Стокс-Чепмен — идеальное сочетание георгианской Англии и греческой мифологии. Международный бестселлер, права на издание выкуплены в 15 странах. Лондон, 1799 год. Дора Блейк, начинающая художница-ювелир, живет со своей ручной сорокой в лавке древностей. Ныне место принадлежит ее дяде и находится в упадке, но в былые времена магазинчик родителей Доры был очень известным благодаря широкому ассортименту подлинных произведений искусства. Появление пифоса — загадочной древнегреческой вазы — и скрываемые им секреты меняют жизнь девушки: она видит шанс вернуть магазин и избавиться от гнета дяди. Однако заинтересованных в пифосе оказывается слишком много: кто-то благодаря ему может проложить дорогу в академическое будущее, другой — потешить самолюбие, а третий — сполна удовлетворить жажду денег. Что за тайны скрывает древняя находка и какой ключ способен их открыть?

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-170768-2

© Стокс-Чепмен С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	49
Глава 12	56
Глава 13	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сьюзен Стокс-Чепмен

Пандора

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Дж.

*Безумца грешного, кто дерзко вышел в море,
Ждет хлябь разверстая небес, а вскоре
Страх и мученья адовы на океанском дне —
И гибель скорая в коварной западне.*

**Сэмюэл Гарт. Посвящение Ричарду,
графу Берлингтонскому, на издании
перевода «Искусства любви» Овидия**

*Остров Самсон, архипелаг Силли
декабрь 1798 года*

Он упустил из внимания тяжесть. Холод – предвидел, подвижную плотность воды тоже принял в расчет. Темнота? Фонарь светит довольно ярко, и, если он не сможет что-то разглядеть сквозь толщу воды, выручит память. Но вот тяжесть... Это было нечто непредвиденное.

С фонарем можно справиться: он привязан к его запястью толстой веревкой, так что обе руки остаются свободными. Правда, фонарь тяжелый и неудобно оттягивает руку, а соленая вода жжет кожу, натертую веревкой. Две веревки, петлями продетые под мышки – одна для поднятия груза, другая для его собственного подъема, – создают неудобство, но помогают телу сохранять равновесие, куда он спускается. Утапливаемые противовесы при всей их громоздкости тоже не создают больших помех.

Основное неудобство – от наголовника, сделанного из прочной оловянной пластины. Это выпуклое вместилище воздуха соединено с защитным кожаным костюмом, плотно стягивающим торс беспощадным корсетом. На палубе, когда он надел эти доспехи, они не казались настолько тяжелыми. Но под водой тесный костюм стал похож на скелет, стянутый железными обручами, которые больно защемляют кожу. А еще – давление воды и ледяное зимнее течение... Он потребует доплаты, как только работа будет выполнена.

Этой ночью ему пока что везло. Чернильная колыбель неба усеяна звездами, луна полная, круглобокая. Во время шторма он внимательно изучил окрестности – корабль наконец угнездился на отмели меж двух небольших островков, разделенных проливом, и эти клочки суши были испещрены руинами каменных построек. Руины белели в лунном свете, служа маяком для их утлого парусника, и, несмотря на декабрьские шквалы, над волнами явственно виднелся концевой бимс правого борта. Так что найти затонувший корабль оказалось совсем нетрудно.

Но почему же у него такое ощущение, будто его сюда направила некая незримая сила?

К счастью, затонувший корабль сел на мель. Раньше он ни разу не пользовался этой штуковиной и не рискнет опускаться глубже, чем нужно. Не больше чем на двадцать футов¹. Это не опасно, уговаривает он сам себя. К тому же он точно знает, где искать. Согласно подробной инструкции, нужный предмет был надежно спрятан в правом крамболе², отдельно от прочих ящиков, тесно составленных в грузовом отсеке. Вот только во время шторма корабль раско-

¹ 20 футов приблизительно соответствуют 6,9 м. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

² Крамбол – небольшой кран для ручного подъема якорей на судно.

лолся, и теперь он надеется, что удача его не подведет – что нужный ему ящик не протащило слишком далеко по морскому дну и что никому еще не удалось им завладеть.

Ледяная вода вонзает в руки и ноги холодные иглы. Облаченный в тяжелый костюм, как в кокон, он опускается все ниже и ниже, с усилием дыша и ошущая едкий привкус металла во рту. Воздушные трубки, идущие от наголовника к поверхности воды, очень длинные, и он представляет, как они тянутся за ним, точно веревка висельника. Он держит фонарь перед собой и, глядя сквозь смотровое оконце куполообразного наголовника, с облегчением видит внизу темный абрис корабельного каркаса. И он опускается туда, щурясь в морской мрак. Ему чудится, что откуда-то снизу доносится крик, тихий и жалобный. Он склоняет голову, наводит слух и продолжает спускаться в пучину.

Его ноги упираются во что-то твердое. Под подошвами скользит песок. Он опускает голову и пытается взглянуть вниз. Очень осторожно. Его предупреждали, что, если сделать резкое движение, вода может просочиться в наголовник. Медленно, да, очень медленно. Ну вот. Угол какого-то предмета. Оттолкнувшись пяткой, он чуть всплывает и попадает обратно в течение. Потом снова опускается, нащупывает ногами дно и поднимает фонарь к глазам. В шести футах, или около того, от обломков корабля он различает темные углы ящика. Кровь гулко стучит в висках. Он уверен: это то самое! Медленно продвигается вперед, ставит перед собой одну ступню, потом другую, неторопливо перемещая ноги в толще воды. Когда что-то чиркает его по голени, он подпрыгивает и, опустив фонарь, видит, как пучок водорослей танцует вокруг его икр.

Ящик опасно балансирует на большом камне. Он подбирается к нему поближе и вновь поднимает фонарь. Даже в крошечной морской тьме он отчетливо видит крест, нарисованный им на стенке ящика перед отправкой из Палермо. В это мгновение его охватывает радость от того, с какой легкостью ему удалось все проверить, но потом фонарь вдруг мигает, вспыхивает в последний раз, гаснет, и он понимает, что мешкать больше нельзя.

Развязав веревку на запястье, он ставит фонарь между двух обломков затонувшего корабля так, чтобы его не перевернуло течение, потом снимает веревочную петлю с одной подмышки и начинает трудоемкую работу по обвязыванию ящика этой самой веревкой. Ему следует действовать предельно осторожно – совершить оплошность нельзя! – и этот камень для него как благословение свыше, потому как не будь этого камня, ему бы пришлось предпринимать усилия по подъему ящика со дна морского. Покуда он трудится, вокруг него мечутся крохотные рыбки. В какой-то момент он останавливается и напрягает слух, пытаясь что-то расслышать через оловянные пластины наголовника. Это пение? Нет, скорее, стенания моря. Разве ему не говорили, что если провести под водой чересчур долго, то последствия могут быть фатальными?

Но почему все происходит так быстро?

Он спешит, работает так быстро, как только может, преодолевая тяжесть наголовника, стесняющего движения. Четыре раза обвязывает веревку вокруг ящика и, хотя его пальцы скованы холодом, завязывает такой тугий узел, что эту веревку потом придется разрезать ножом. Покончив с узлом, он резко дергает за веревку – раз, другой, – посылая сигнал наверх. Длинная веревка дергается, ослабевает и снова натягивается. Затем он, торжествуя, провожает взглядом ящик, который поднимается на веревке, вздымая тучи песка. Он слышит приглушенный стон дерева, медленный всплеск потревоженных вод и чуть слышный – такой тихий, что он подумал, будто это ему почудилось, – женский шепот или вздох.

Часть I

*В самом себе живет бессмертный дух,
Внутри себя создать из ада небо
Способен он, и небо – сделать адом³.*

Джон Мильтон. Потерянный рай (1667)

Глава 1

Лондон

январь 1799 года

Дора Блейк горбится за своим рабочим столом с самого рассвета. Табурет, на котором она сидит, слишком высокий, но она к этому уже привыкла. Время от времени она откладывает миниатюрные щипчики, снимает очки и щиплет себе переносицу. А еще – разминает затекшую шею, распрямляет спину и потягивается, пока позвоночник не издаст приятный шелчок.

Сквозь выходящее на север оконце ее чердачной комнатушки проникает скудный свет. Для работы над филигранным узором Дора была вынуждена передвинуть свой стол и высокий табурет прямо под это оконце, потому что одинокая свеча не дает достаточно света. Дора неловко ерзает на жестком сиденье, надевает очки и вновь принимается за работу, стараясь не обращать внимания на холод. Оконце широко распахнуто, несмотря на зябкий новогодний воздух. В любой момент Гермес может вернуться с новым сокровищем, которое увенчает последнее творение Доры, и она уже открыла дверцы его клетки. Остатки украденного завтрака рассыпаны под жердочкой – награда за успешную, как она надеется, утреннюю охоту.

Она прикусывает нижнюю губу, вздыхает и вновь берется за щипчики.

Попытаться изготовить тончайшую канитель⁴ было слишком амбициозным намерением, но Дора в любом случае – оптимист. Кто-то может назвать этот ее оптимизм обычным самолюбием, но она считает свою амбициозность оправданной. Дора знает – знает! – что у нее талант. И она не сомневается: настанет день, когда все это признают и ее украшения будет носить весь город. А возможно, думает Дора – уголок ее рта опускается, когда она ставит на нужное место совсем крошечную проволочку, – и вся Европа. Но потом она качает головой, отгоняет свои возвышенные мечты и, оторвав взгляд от изъеденных древесными жучками потолочных балок, старается сосредоточиться. Отвлекаться нельзя – иначе долгие часы кропотливой работы над этим плетением пойдут насмарку.

Дора отрезает еще один кусочек от мотка проволоки, висящего на вбитом в стену гвозде.

Красота золотой нити в том, что она имитирует тончайшее кружево. Дора видела парюры⁵, выставленные у Ранделла и Бриджа⁶, и они буквально заорожили ее своими замысловатыми ажурными орнаментами: колье, серьги, браслет, брошь и тиара явно изготавливались на протяжении многих месяцев. Поначалу Дора подумывала, не создать ли в таком же стиле пару серег по сделанному ею эскизу, но затем скрепя сердце сочла, что лучше с пользой

³ Перевод О. Чюминой.

⁴ Тонкая витая золотая нить, используемая в вышивке и ювелирном деле. (Здесь и далее примечания переводчика.)

⁵ Парюра – набор ювелирных украшений, ювелирный гарнитур.

⁶ Имеется в виду ювелирный магазин в Лондоне того времени, где продавались изделия знаменитых английских ювелиров Филипа Ранделла (1746–1827) и Джона Бриджа (1755–1834).

потратить время на нечто иное. Это кольцо в конце концов лишь образец, лишь способ продемонстрировать свои умения.

– Ну вот! – восклицает она, откусывая тонкими щипчиками лишнюю часть проволочки. Застежка беспокоила ее все утро, потому как ее изготовление оказалось жутко трудоемким, но теперь, когда работа закончена, можно сказать, что дело стоило и пробуждения сегодня ни свет ни заря, и одеревеневшей спины, и занемевших ягодичек. Она кладет щипчики, дует на ладони и энергично их потирает, и тут от соседских крыш к оконцу комнатухи с глухим клеточком подлетает пушистый черно-белый вихрь.

Дора выпрямляет спину и улыбается.

– Доброе утро, друг сердечный!

В оконце впархивает сорока и мягко садится на кровать. На шее у птицы болтается сшитый Дорой маленький кожаный мешочек. Гермес склоняет шею под тяжестью груза в мешочке.

Он что-то нашел.

– Иди-ка сюда, – говорит Дора и плотно затворяет оконце, оставляя снаружи зимнюю стужу. – Покажи, что ты раздобыл.

Гермес тихо стрекочет и опускает голову. Шнурок мешочка соскальзывает с шеи на клюв, и птица, тараторя что-то свое, скидывает поклажу. Мешочек со стуком падает, Дора хватается за него и взволнованно вытряхивает содержимое на потертое покрывало.

Осколок керамической чашки, металлическая бусина, стальная булавка. Все это может пригодиться; Гермес никогда ее не разочаровывает. Но тут внимание Доры привлекает другой предмет, выпавший на кровать. Она поднимает его и подносит к свету.

– Ach pai⁷, – шепчет Дора. – Да, Гермес. Великолепно!

Она зажимает между пальцев плоский стеклянный овал размером с куриное яйцо. На фоне серого моря городских крыш он сияет бледным пятном с молочно-голубым отливом. Для филигрании лучше всех драгоценных камней подходит аметист – сочный пурпурный цвет ярко сверкает на желтом фоне, подчеркивая интенсивный оттенок золота. Но Дора обожает аквамарин. Он напоминает ей средиземноморское небо, теплый воздух ее детства. Этот гладкий кусочек стекла подойдет идеально. Она зажимает его в ладони и чувствует, как мягкая поверхность холодит кожу. Дора протягивает руку к птице. Моргнув черным глазом, сорока вспархивает на ее кулак.

– Полагаю, это заслуживает сытного завтрака, как считаешь?

Дора относит Гермеса в клетку. Птица водит клювом по деревянному полу, подбирая крошки хлеба, которые хозяйка рассыпала там загодя. Она нежно гладит шелковистые перья, любуясь их радужным отливом.

– Ну вот, сокровище мое, – мурлычет она. – Ты, должно быть, устал. Так-то лучше?

Поглощенный процессом еды, Гермес не обращает на нее внимания, и Дора возвращается за рабочий стол. Она смотрит на кольцо, оценивая свою работу.

И, надо признаться, она не удовлетворена. Узор, так красиво смотревшийся на бумаге, в реальности выглядит не слишком впечатляюще. То, что задумывалось как плетение из витого золота, оказывается всего лишь унылыми серыми проволочками, закрученными в миниатюрные петельки. То, что должно быть сияющими жемчужными песчинками, – всего лишь грубо обтесанные осколки битого фарфора.

Но Дора и не надеялась, что ее изделие в точности совпадет с карандашным эскизом. У нее нет нужных инструментов и материалов, да и соответствующей практики тоже нет. Но ведь это всего лишь начало – доказательство того, что ее работе присуща красота, ведь даже сделанные из простых материалов, ее украшения отличаются изяществом. Дора не удовлетво-

⁷ О да! (греч.)

рена, но все-таки рада. Она надеется, что у нее все получится. А как же иначе – с таким изумительным овальным камешком в центре!

Раздается стук и приглушенный звон дверного колокольчика.

– Дора!

Голос, прозвучавший тремя этажами ниже, резкий, отрывистый, нетерпеливый. Гермес беспокойно свиристит в своей клетке.

– Дора! – снова лает голос. – Спускайся и займись лавкой! У меня срочное дело в доках.

Это заявление сопровождается глухим стуком двери, а потом еще одним, далеким, стуком. Воцаряется тишина.

Дора вздыхает, накрывает колье льняной тряпицей и кладет рядом очки. Она вставит в колье овальный камешек позже, когда дядюшка отправится спать. С сожалением Дора приклоняет стеклянный овал к подсвечнику, где он неподвижно стоит лишь мгновение, и тут же падает.

Невозможно пройти мимо «Эмпориума экзотических древностей» Иезекии Блейка. Хоть он и зажат между кофейней и галантерейной лавкой, ни один пешеход не сумеет миновать его большое арочное окно, возле которого люди невольно замедляют шаг – такое оно огромное. Но внимание пешеходов на этой улице привлекает и многое другое: в наши дни редко кто задерживается надолго у этой витрины, поняв, что за окном с потрескавшейся краской на рамах не найти ничего более экзотического, нежели платяной шкаф прошлого века или пейзаж кисти эписгона Гейнсборо. Когда-то преуспевавшее предприятие ныне стало хранилищем подделок и пыльных диковинок, не представляющих никакого интереса для обывателей, не говоря уж о привередливых коллекционерах. И зачем дядюшке понадобилось звать ее вниз, Дора понятия не имела: она вполне могла бы провести сегодняшнее утро, не отвлекаясь на случайных посетителей.

Когда был жив папенька, торговля шла бойко. Пускай Дора в ту золотую пору была еще ребенком, но она помнила, каких клиентов обслуживали в магазине Блейка. Виконты наперегонки спешили на Ладгейт-стрит, чтобы заказать для своих особняков на Беркли-сквер обстановку, стиль которой напоминал бы хозяевам о красотах европейских столиц, виденных ими во время очередного Гран-тура⁸. Удачливые торговцы находили здесь самые дорогие экспонаты для своих лавок. Частные коллекционеры щедро платили Элайдже Блейку за ценные находки, обнаруженные им и его женой на раскопках в заморских странах. А что теперь?

Дора затворяет дверь, отделяющую жилые помещения от магазина на первом этаже. Колокольчик весело вызванивает приветствие, когда дверь возвращается на место, но она стоит перед ней, плотно сжав губы. Даже без Лотти Норрис, чьи глазки-бусинки неотступно следят за Дорой, этот противный колокольчик, установленный Иезекией, отлично справляется с задачей ограничивать ее перемещения по дому.

⁸ Гран-тур, или Большое путешествие (*франц.*) – поездка по континентальной Европе, которая считалась необходимым элементом культурного просвещения английского дворянина той эпохи.

Закутавшись в шаль поплотнее, Дора решительно входит в торговый зал. Здесь все заставлено мебелью, случайно соседствующими уродливыми артефактами, книжными шкафами, забитыми фолиантами, коим на вид лет десять – и ни днем более. Массивные буфеты стоят впрытик, на их тусклых полках громоздятся не бог весть какие безделушки. Но, несмотря на царящий тут беспорядок, между товарами всегда оставлен довольно широкий проход, потому что в дальнем конце магазина виднеются большие двери, ведущие в подвальное помещение.

В личное святилище Иезекии.

Некогда подвал служил рабочим помещением для родителей Доры – это было их бюро, где они составляли карты будущих раскопок и хранили предметы, нуждающиеся в реставрации. Но когда Иезекия перебрался сюда из своих тесных комнатенок в Сохо, он тут все полностью переоборудовал, изничтожив следы пребывания здесь маменьки и папеньки, так что Доре остались от них одни воспоминания. И теперь от прежнего «Эмпориума Блейка» не уцелело ровным счетом ничего. Торговля захирела, как, впрочем, и репутация магазина.

Дора открывает новую страницу амбарной книги (вчера она оставила здесь всего лишь две строчки) и пишет дату на полях.

Какие-то продажи у них бывают. На протяжении последнего месяца деньги притекали ручейком – тоненьким, но неизменным, прямо как вода, что капает с их прохудившейся крыши. И каждая такая продажа основана на обмане, на умении выгодно показать товар. Иезекия к любому предмету присовокупляет какую-нибудь фантастическую историю. Так, деревянный сундук якобы использовался неким работником для перевозки в нем двух детей-невольников из Южной Америки в 1504 году (а на самом деле его всего-то неделю назад сколотил плотник из Детфорда); пара изящных подсвечников принадлежала некогда Томасу Калпеперу⁹ (выкованы кузнецом из Чипсайда). Однажды Иезекии удалось сбавить смотрителю борделя зеленую бархатную софу, принадлежавшую, по его уверениям, некоему французскому графу времен Тридцатилетней войны и спасенную из пожара, когда «великолепный» графский замок спалили дотла (в действительности софа принадлежала не графу, а обедневшей вдове, которая продала ее Иезекии за три гиней, чтобы покрыть оставшиеся после кончины мужа долги). Дядюшке даже удалось декорировать верхние комнаты борделя шестью японскими ширмами периода Хэйан (которые он самолично расписал в подвальной мастерской). Если бы покупатели усомнились в подлинности проданных им изделий, Иезекия давным-давно оказался бы в холодных объятиях каменных стен Олд-Бейли¹⁰. Но они не усомнились. И калибр этих покупателей, и глубина их познаний в области изящных искусств и древностей были вопиюще ничтожны.

Подделки, как выяснила Дора за эти годы, вовсе не являются чем-то неслыханным в кругах любителей древностей. Более того, многие джентльмены со средствами заказывают себе копии произведений, увиденных в Британском музее или поразивших их за границей. Но Иезекия... Иезекия не признается в своем обмане – вот это и опасно. Дора прекрасно знает, каким бывает наказание за подобное жульничество – непомерный штраф, стояние у позорного столба, многие месяцы в тюрьме. От одной этой мысли у нее сводит желудок. Она могла бы, конечно, донести на Иезекию, но она от него зависит: дядюшка, магазин – это же все, что у нее есть! – и покуда Дора не встанет на ноги, чтобы жить самостоятельно, она должна оставаться безропотной и наблюдать, как год от года их предприятие идет ко дну, а некогда славное имя Блейка обесценивается и предается забвению.

⁹ Придворный английского короля Генриха VIII, архиепископ Кентерберийский, казнен по обвинению в измене (1514–1541).

¹⁰ Знаменитый уголовный суд, занимавший величественное здание в лондонском Сити.

Но ведь не все артефакты поддельные, успокаивает она себя. Горы безделушек (откуда она время от времени умыкает кое-что для своих нужд), накопленные Иезекией за долгие годы, приносят пусть небольшой, но постоянный доход – стеклянные пуговицы, глиняные трубки, крошечные мотыльки, запаянные в стеклянных сосудах, игрушечные солдатики, фарфоровые чашки, живописные миниатюры... Дора снова бросает взгляд на журнал. Да, продажи у них есть. Но вырученных денег хватает лишь на еду и жалованье Лотти, а откуда Иезекия берет деньги на оплату своих маленьких прихотей, Дора не знает, да и не желает знать. Довольно того, что он постоянно злословит по поводу образа жизни ее покойного папеньки. Довольно того, что здание не сегодня-завтра рухнет, а на ремонт отложена ничтожная сумма. Вот если бы дом принадлежал ей... Дора отгоняет меланхолию, проводит пальцем по прилавку, и ее губа презрительно кривится, когда она замечает грязь на кончике пальца. Неужели Лотти здесь никогда не прибирается?

Словно отвечая на ее мысли, колокольчик снова звенит, и, обернувшись, Дора видит женщину, заглядывающую в приоткрытую дверь.

– Вы уже встали, мисси? Вы завтракаете? Или уже поели?

Дора бросает презрительный взгляд на прислугу Иезекии – дебелую женщину с соломенными волосами, маленькими глазками и вечно опущенными уголками рта. Ее внешность идеально соответствует роли прислуги, на самом же деле Лотти Норрис так же далека от блистательных успехов на домашнем поприще, как дядюшка Доры – от победы в состязании атлетов. Нет, правда, по мнению Доры, Лотти слишком ленивая, слишком своевольная, липкая, как пятно дегтя на крыле чайки, да к тому же та еще проныра.

– Я не голодна.

На самом деле Дора голодная. Хлеб она съела часа три назад, но, если она попросит добавки, Лотти наверняка нажалуется Иезекии, что она таскает хлеб из кладовки, а Доре уже порядком надоели его лицемерные нравоучения.

Экономка входит в торговый зал и смотрит на Дору, удивленно подняв брови.

– Не голодна? Да вы же вчера за ужином почти и не ели ничего!

Дора пропускает замечание мимо ушей, но поднимает вверх испачканный палец.

– Разве вам не следует здесь прибираться?

Лотти хмурит брови.

– Здесь?

– А где же еще, по-вашему?

Прислуга фыркает и взмахивает в воздухе пухлой рукой, точно веером.

– Тут же лавка старья, разве нет? Эти вещи и должны быть покрыты пылью. В этом их прелесть.

Дора отворачивается и, возмущенная тоном Лотти, кривит губы. Лотти всегда обращается с Дорой так, словно она тут какая-нибудь служанка, а не дочь двух почтенных антикваров и племянница нынешнего хозяина магазина. Встав за прилавок, Дора раскрывает журнал и старательно точит карандаш, проглатывая гневные слова, танцующие на кончике языка. Лотти Норрис не стоит даже вдоха, с каким она могла бы бросить ей упрек, да и какой смысл это произносить?

– Вы точно ничего не хотите?

– Точно, – коротко отвечает Дора.

– Ну, как знаете.

Дверь начинает закрываться. Дора опускает карандаш.

– Лотти? – Дверь замирает. – А что за дела у дяди в доках, почему он оставил на меня магазин?

Прислуга колеблется и морщит похожий на пенек нос.

– Мне-то откуда знать? – отвечает она, и, когда дверь за ней плотно затворяется и звенит адский колокольчик, Дора догадывается, что Лотти очень даже хорошо это знает.

Глава 2

На Крид-лейн народу – что личинок в открытой ране.

Пешеходов здесь множество, такое впечатление, что людские толпы изверглись из переполненного чрева Ладгейт-стрит и затопили соседние переулки с неистовством прорвавшей запруды реки. Привычные для большого города запахи кажутся вблизи невыносимо едкими: угольный дым, гниющие овощи, тухлая рыба. Иезекия Блейк идет, плотно прикрывая носовым платком рот и нос. Когда он наконец достигает тихого склона холма Паддл-Док, то переходит на поспешную рысцу, на которую еще способно его корпулентное тело.

Письмо – скомканное от многократного перечитывания – пришло к нему две недели назад, и, сосчитав недели, потребные для столь долгого путешествия этого письма, он надеялся, что сам Кумб прибудет гораздо раньше; терпение Иезекии было уже на опасном пределе.

Замедлив шаги, он отнимает от лица платок и пытается вдохнуть свежего воздуха. Его природная склонность к безделью проявляется в тучной фигуре, хотя в свои пятьдесят два Иезекия не видит в этом ничего, ровным счетом ничего необычного, ибо человек вроде него, столь долго занимающийся подобным делом, должен, вне всякого сомнения, наслаждаться плодами своих трудов. Иезекия трогает парик, мнет поля новенькой шляпы и оглаживает ладонью муслиновый жилет, туго обтягивающий его округлое брюшко. По правде сказать, он не жалеет, что не волен сейчас позволить себе многое – ах, какие предметы роскоши могли бы ему принадлежать! – но скоро, думает он с улыбкой, очень скоро он сможет потакать любым своим прихотям! Последние двенадцать лет он с присущим ему долготерпением ждал. И очень скоро период ожидания завершится!

Подойдя к Паддл-Доку, Иезекия снова прижимает платок к лицу. На этом причале он совершает самые сомнительные из своих сделок. Здесь царит непереносимое зловоние. Это место служит главным образом свалкой для мусора и городских нечистот, которые свозят сюда со всех лондонских улиц, и доставляемые сюда грузы едва ли кого-то интересуют. На радость Иезекии, сегодняшняя сделка совершается в лютую зимнюю пору, ибо в летние месяцы навозные испарения витают в воздухе, проникают повсюду и остаются надолго: на волосках в носу, на ресницах, на одежде, на больших и малых ящиках с грузом. Последнее, чего бы он хотел для самого драгоценного своего приобретения, так это чтобы оно пропиталось этой нестерпимой вонью. Ну нет, думает он, это уж ни в какие ворота...

Причал – маленький и узкий по сравнению с другими – втиснут между двумя высокими постройками с заколоченными окнами. Иезекии приходится вжиматься спиной в закопченные стены, чтобы протиснуться сквозь шумную толпу портовых рабочих. Он тщетно пытается отвернуться от ночных ассенизаторов, опорожняющих повозки с экскрементами, и не смотреть на непривлекательное содержимое наполненных до краев ведер, которые мрачные мужчины со стуком ставят на мостовую. Его каблук попадает на что-то скользкое и едет вперед (лучше даже не пытаться гадать, что бы это могло быть), и Иезекия утыкается в спину китайца с ведром в руке – при столкновении ведро начинает раскачиваться, так что смрадная жижа грозит выплеснуться наружу. Иезекия невольно упирается рукой в стену, чтобы удержать равновесие, и возмущенно глядит на китайца, но тот не выказывает ни сожаления, ни даже признака того, что замечает его присутствие, – молча уходит, прежде чем Иезекия успеет выразить свое негодование. Со слезящимися глазами он дышит в плотно прижатый к лицу носовой платок и нетвердым шагом спускается по наклонному съезду с разгрузочной платформы вниз к берегу реки.

Портовый бригадир, распоряжающийся погрузкой барж, которые пойдут вниз по реке, стоит спиной к Иезекии, и тот вынужден кричать, перекрывая грохот и гомон:

– Мистер Тибб, эй, послушайте, мистер Тибб!

Джонас Тибб слегка поворачивает голову, чтобы посмотреть, кто это кричит, а потом снова глядит на баржи и, махнув рукой в сторону реки, произносит что-то, чего Иезекия не может расслышать. Тогда бригадир разворачивается к нему всем телом и неспешно поднимается по ступенькам на разгрузочную платформу, где его нетерпеливо дожидается Иезекия.

– Опять вы, мистер Блейк? – Тибб засовывает грязные пальцы за пояс штанов и глядит на реку. Сегодня хоть и холодно, но сухо, и небо ясное, а вода в реке неподвижная, как в пруду, и гладкая, как стекло. – Я же вам вчера сказал, что никаких известий нет. Ничего не изменилось с тех пор, как солнце село и снова встало.

У Иезекии горестно опадают плечи. Он чувствует, как где-то внутри копошится раздражение, и его пронзает вновь пробудившаяся в душе досада. Глядя ему в лицо, Тибб вздыхает, снимает свою вязаную шапку и чешет лысину.

– Сэр, вы же сами сказали, что ваши люди не захотели выбрать более быстрый путь по суше. От Самсона до нас почти пятьсот миль, а с этими зимними штормами всегда надо учитывать день-другой задержки. И чего вы ходите сюда, если я обещал сообщить вам о прибытии груза?

Обыкновенно Иезекия не позволял разговаривать с собой в таком тоне. В конце концов, он уважаемый торговец, и в иных обстоятельствах этот мужлан не удостоился бы и его взгляда, но бригадир портовых рабочих никогда не интересовался, отчего Иезекия проворачивает свои торговые сделки таким вот образом, и вообще никогда не проявлял излишнего любопытства.

– Черт подери, Тибб! Вы понятия не имеете, что это за товар. Этот груз стоил мне немалых денег.

Денег, думает он с досадой, которых он не мог себе позволить.

Тибб поднимает плечи, чтобы, как может показаться со стороны, пожать ими, но потом явно передумывает. Его слезящиеся серые глаза весело сощуриваются.

– Я уверен, что Кумбы вас не подведут. Такого же раньше не бывало, верно?

Лицо Иезекии проясняется.

– Не бывало. И правда, ни разу.

Тибб коротко кивает, нахлобучивает шапку, а Иезекия что-то ворчит себе под нос, раздраженный тем, что дал слабину на глазах у простолюдина.

– Ну ладно, – говорит он. – Тогда надеюсь, что вы пошлете мне весточку своевременно. Пусть мне доставят записку сразу, как только вы увидите, что судно вошло в порт, вы меня поняли?

– Есть, сэр!

– Очень хорошо!

И Иезекия – с носовым платком, прижатым к лицу, – продельывает тот же малоприятный путь на холм Паддл-Док, минуя столпотворение на Крид-лейн и сразу попадает в людской водоворот на Ладгейт-стрит. Душа его беспокойна и настроение испорчено, невзирая на ободряющие слова бригадира портовых рабочих.

Где же эти Кумбы? Где же его груз, его долгожданный трофей? Возможно, что-то стряслось: они попали в засаду, а может, Кумбы просто сбежали с грузом, или – и тут Иезекия издает лающий смешок, отчего молочница бросает на него испуганный взгляд и сильно наклоняет коромысло для бидонов, и край коромысла плюхается прямо в молоко! Нет, эта мысль слишком ужасна, слишком нелепа и смехотворна, чтобы воспринимать ее всерьез. Быстрее, думает он, быстрее! Нужно что-то купить, чтобы унять бурю в душе.

Внимание Иезекии привлекают витрины магазинов, его глаза разбегаются, точно бильярдные шары из разбитой пирамиды. Новую табакерку? Нет, у него уже есть две. Еще один парик? Он трогает изящный локон возле уха, ощущает шелковистость натуральных человеческих волос. Это уже неслучайная покупка, довольно дорогая. Может быть, булавку для галстука? Но тут наконец его взгляд кое на чем останавливается, и он улыбается, ощущая зна-

комый прилив неодолимого желания и удовольствия от мысли, что это изделие предназначено именно ему. Он заходит в магазин и совершает покупку в считанные мгновения (и в кредит).

Выйдя из лавки, он похлопывает себя по груди, ладонь нащупывает сверточек, что уютно уместился во внутреннем кармане пальто, и, поправив шляпу, Иезекия с широкой улыбкой продолжает свой путь.

Глава 3

Ужин – событие мучительное. В отличие от прочих помещений, в небольшой столовой с богатыми бордовыми обоями и камином, где весело потрескивают дрова, уютно и тепло. Ей было бы приятно здесь сидеть, находишься она в другой компании. Дора и Иезекия никогда не коротают время за приятными беседами, особенно в последние недели. Рождество прошло без всяких развлечений, потому что Иезекия был мрачен и раздражителен, и ей стоило немалых усилий сохранять в эти дни душевное спокойствие. Его мрачный настрой – такого раньше, кажется, не было! – никуда не делся и после Нового года. Дора изо всех сил старалась не попадаться дядюшке под руку, потому что раздражение клубилось над ним, словно туман над Темзой. Она сжала в пальцах салфетку. С радостью провела бы этот вечер в компании Гермеса в своей сырой, продуваемой сквозняками спальне, вправляя стеклянный овал в кольцо. По правде говоря, Дора ведет куда более полезные дискуссии с Гермесом, чем с кем бы то ни было, хотя он всего лишь птица.

Дора задумчиво наблюдает за дядей. Иезекия сегодня выглядит рассеянное обычного – ест медленно и не сводит взгляда с большой карты мира, что висит на стене у нее за спиной. Дядя невзначай трогает свой шрам – тонкую белую полоску, пересекающую его щеку. Он покашливает и ерзает, постукивает пальцем по винному бокалу, и звяканье стекла создает тягостному вечеру еще и неприятный звуковой фон. Другой рукой Иезекия то и дело теревит блестящую луковичу карманных часов, свисающих у него из жилетного кармана. Часовая цепочка бликует от пламени свечи.

Дора пристально вглядывается в эти часы после того, как дядюшка в шестой раз их трогает, и пытается припомнить, видела ли она их у него раньше. Может быть, часы принадлежали папеньке? Нет, она бы помнила. Значит, это его новое приобретение, решает Дора, но держит язык за зубами. В последний раз, когда она осмелилась поинтересоваться, как это Иезекия может позволить себе подобные побрякушки, его лицо пугающе побагровело и он принялся распекать ее так громко, что у нее звенело в ушах до самого утра. Дядя опять кашляет, пытаясь удержать на вилке огромный кусок баранины, грозящий вот-вот упасть, и Дора не выдерживает:

– Дядюшка, вам нездоровится?

Иезекия подпрыгивает и впервые за весь день смотрит на нее в упор. Его взгляд на миг выдает сильную тревожность, какой Дора прежде никогда не замечала, но она тут же исчезает.

– Что за вздор! – Он жует мясо с открытым ртом, словно корова. Капля густой подливки падает ему на подбородок. – Я размышлял о будущем антикварной лавки. Мне представляется...

Дора выпрямляется на стуле. Неужели он наконец собрался обсудить с ней совместное управление магазином? Потому как у нее есть соображения, масса замечательных соображений! Во-первых, она бы избавилась от балласта фальшивок и компенсировала бы его подлинниками, приобретенными у старых знакомых папеньки. Во-вторых, на вырученные деньги надо бы нанять людей для проведения раскопок в заморских странах, поручить художникам и граверам подготовить каталог находок. Их антиквариат снова мог бы попасть в справочник аукционного дома «Кристис», стать достоянием ученых и коллекционеров, они могли бы открыть здесь небольшой музей или маленькую библиотеку. А если говорить о фривольной стороне их дела (есть и такая!), они вполне способны потрафлять озорным надобностям аристократов, устраивающих тематические суаре для узкого круга. В общем, пора бы возродить былую славу магазина. Начать все заново.

– Да?

Иезекия глотает прожеванную баранину, отпивает из бокала изрядный глоток вина.

– Теперь, когда мы вступили в новый год, мне представляется, это удачный момент для продажи. Я устал от торговли. В конце концов, есть много других занятий, которые могут доставлять удовольствие, и много гораздо более интересных вещей, в которые я бы мог вложить свои деньги.

Он говорит с безразличием в голосе, почти холодно, и Дора широко раскрытыми глазами смотрит на него через стол.

– Вы хотите продать папенькин магазин?

Он спокойно встречает ее взгляд.

– Это не его магазин. Он естественным образом перешел ко мне после его кончины. Что там написано на вывеске – «Элайджа» или «Иезекия»?

– Вы не можете его продать, – шепчет она. – Просто не можете!

Он отмахивается от ее слов, точно отгоняет муху.

– Времена меняются. Антиквариат вышел из моды. Денег от продажи лавки хватит, чтобы приобрести хорошую недвижимость в более уважаемой части города. Мне такая перемена была бы по душе. – Он вытирает салфеткой уголки рта. – За это здание можно выручить неплохие деньги, как и, я уверен, за все его содержимое.

Дору охватывает оцепенение. Продать магазин? Дом, где прошло ее детство?

Она судорожно вздыхает.

– Как вам не стыдно, дядюшка, даже думать об этом!

– Перестань, Дора! Магазин уже не тот, что был раньше...

– И кто в этом виноват?

У Иезекии раздуваются ноздри, но он пропускает мимо ушей и эти слова.

– А я полагал, что ты будешь рада сменить обстановку, оказаться в более... гм... свободной среде. Разве ты не этого хочешь?

– Вы знаете, чего я хочу!

– О да, – ухмыляется он. – Эти твои рисуночки! Тебе бы лучше найти кого-то, кто захочет приобрести для тебя такие украшения, чем самой пытаться их придумывать.

Дора кладет приборы на стол.

– И куда бы я их носила, дядюшка?

– Ну... – Иезекия запинается и издает короткий смешок, скрытый смысл которого трудно распознать. – Кто знает, куда нас может занести судьба? Ты же не хочешь провести здесь всю свою жизнь, а?

Дора отодвигает тарелку, у нее окончательно пропадает аппетит – его и без того не возбуждала убогая стряпня Лотти.

– Меня, дядя, больше привлекают практические усилия, нежели полеты фантазии.

– А создание ювелирных украшений – это практическое усилие или полет фантазии?

Дора отворачивается.

– Вот и я о том же, – говорит он с нескрываемым ехидством. – Ни один ювелир не возьмет к себе женщину, чтобы она придумывала эскизы новых украшений, и ты сама это понимаешь. Я это твержу тебе уже сколько времени. Но ты не слушаешь! Только портишь альбомы для эскизов, которые я тебе покупаю. Ты хоть знаешь, почему нынче хорошая бумага?

Входит Лотти, чтобы убрать грязную посуду. Самое время, потому что у Доры глаза на мокром месте. Когда экономка двигает пустую тарелку хозяина по столу, Дора опускает голову ниже. Будь она проклята, если позволит им увидеть ее слезы!

– Я не хочу работать у ювелира.

– Тогда чего ты хочешь?

Дора понимает, что говорит слишком тихо. Она берет себя в руки, поднимает голову и глядит прямо в глаза дядюшке.

– Я не хочу работать на ювелира, – упрямо повторяет она. – Я хочу открыть собственную ювелирную мастерскую.

Иезекия на миг теряет дар речи. Лотти тоже таращит глаза и застывает с пустой тарелкой в руке, так что остатки подливы грозят вылиться на пол.

– То есть самой делать ювелирные украшения?

В голосе дяди слышатся теперь веселые нотки, и его насмешливый тон заставляет Дору покраснеть.

– Я хочу стать признанным художником, чтобы какой-нибудь ювелир делал украшения по моим эскизам. Может быть, маменькин знакомец мистер Клементс.

Повисает тишина. Дора и не ожидала, что Иезекия поддержит ее намерение – на это было бы глупо надеяться, – но когда взрыв ядовито-насмешливого хохота, сорвавшегося с дядиных губ, подхватывают хихикающие всхлипы Лотти Норрис, ее захлестывает волна гнева.

– О, всемилостивые небеса! – со вздохом восклицает Иезекия, утирая толстым пальцем слезы в уголках глаз. – Это самая забавная новость из всех, что я слышал за последние несколько недель. Слыхала, Лотти, какую чудесную шутку она нам поведала!

Дора мнет в кулаке накрахмаленную салфетку, обращая на нее клокочущее в ее душе отчаяние.

– Уверю вас, сэр, – произносит она твердо, – я говорю это вполне серьезно.

– В том-то и шутка! – вскрикивает Иезекия. – Ничего не скажешь – практическое начинание! У тебя же нет ни образования, ни капитала для этого занятия! Да кто же в здравом уме серьезно отнесется к полукровке-сироте вроде тебя? Да над тобой все будут насмеяться прежде, чем ты успеешь заняться этим ремеслом! – Он откидывается на спинку стула, и лицо его принимает спокойное выражение. – Тебе от матери достался творческий талант, не спорю. Но ты, подобно своей матери, слишком уж высокого мнения об этом таланте. Она была уверена, что вместе с твоим отцом, моим дорогим братом, упокой Господь его душу, она сможет сколотить состояние на антиквариате, что они получат признание во всем мире за их... мм... уникальные находки. Но сама посмотри, к чему привела ее гордыня...

Дора молчит. Она давно свыклась с дядиным равнодушием, столь болезненно воспринимавшимся ею в былые годы. Вспышки гнева – с ними она тоже могла совладать. Но вот это бессердечное презрение появилось совсем недавно, и с ним Дора смириться никак не могла. Она делает очень глубокий вдох, который больно растягивает ей легкие, и начинает отодвигать стул, чтобы встать, но тут Иезекия поднимает руку.

– Сядь. Мы еще не закончили.

«А я закончила». Но слова прилипают к языку, и Дора не может их произнести в ответ на приказание дяди, поэтому вперяет сердитый взгляд в свою пустую тарелку и шепчет про себя греческий алфавит, чтобы успокоиться: «Альфа, бета, гамма, дельта...»

– Лотти, – слышит Дора голос Иезекии, – принеси-ка нам чаю.

Служанка – сама учтивость. Когда за ней затворяется дверь, Дора чувствует, что Иезекия снова поворачивается к ней и издаст невеселый смешок.

– По крайней мере, я могу восхищаться твоим устремлением, столь же возвышенным, сколь и неосуществимым. Рисуи, если ты этого так хочешь. В ближайшие месяцы это будет держать тебя в приподнятом состоянии духа. Я даже продолжу снабжать тебя бумагой для рисования.

Что-то странное слышится в его голосе. Дора хмурится и смотрит на него.

– Дядюшка?

Иезекия лениво поглаживает свой щрам на щеке.

– В последний год ты стала писаной красавицей. Прямо как твоя мать... – В камине с треском вспыхнуло полено. – Тебе уже двадцать один год, – продолжает он, наваливаясь всем

весом на упертые в стол локти. – Женщина. Ты уже достаточно взрослая, чтобы продолжать жить со мной под одной крышей.

Дора молчит, и тут до нее доходит смысл сказанных им слов. Она шумно сглатывает.

– Вы хотите избавиться от меня.

Он разводит руками.

– Но ведь и ты тоже хочешь от меня избавиться!

Дора молчит, с этим не поспоришь.

– И куда же вы хотите, чтобы я ушла? – спрашивает она, но Иезекия только пожимает плечами. И улыбается.

Тяжесть давит на грудь, ей трудно дышать. Дора не понимает, что означает эта улыбка, но она отлично знает дядю, чтобы понять – его улыбка не сулит ей ничего хорошего.

За ее спиной распахивается дверь. К Доре возвращается способность дышать, и тут Лотти ставит на стол чайный поднос. Тонкая фарфоровая посуда тихо позвякивает.

– Вот чай, сэр! – сияя, говорит она. – И еще я принесла засахаренные сливы, как вы заказывали. Они сегодня свежайшие!

Лотти машет восьмиугольной коробкой.

– Дай одну Доре, Лотти!

Прислуга с сомнением прищуривается, но выполняет просьбу Иезекии, а Дора во все глаза смотрит на коробку, на уложенные внутри сладости. С опаской бросает взгляд на дядю, который наблюдает за ней, сцепив ладони под подбородком.

– Что это такое?

В ее голосе сквозит недоверчивость. Она ничего не может с собой поделать.

– Засахаренные сливы, – отвечает Лотти. – Вкуснейший деликатес!

Лотти подносит коробку под нос Доре, она улавливает сладкий аромат, но все равно сомневается.

– Давай! – настаивает Иезекия. – Попробуй хоть одну!

Она нерешительно выбирает лежащую в середине сливу и надкусывает ее: зубы погружаются в желеобразный шарик, и целое мгновение Дора наслаждается изумительным ощущением. Вкус сладкой ягоды взрывается у нее на языке, раскрываясь разными нюансами: ванили, специй, апельсина и орехов – такого она в жизни не пробовала, но тут Дора ловит взгляд Иезекии, устремленный на нее через стол. Так он еще никогда не глядел на нее.

Так кот смотрит на ничего не подозревающую птицу. Голодным, расчетливым взглядом.

Глава 4

Умопившись на тесной оттоманке у окна в небольшом алькове, Эдвард Лоуренс наблюдает за тем, как январь начинает свою жестокую и безжалостную игру. Утро сегодня холодное, как надгробная плита, и ветер закручивает безумные вихри, срывая охапки колючих льдинок и усыпая ими колоннаду Сомерсет-хауса. Сикоморы, окаймляющие главную аллею, гнутся под порывами ветра, и пустые птичьи гнезда отчаянно вцепляются в голые ветви, как нищий в найденный на мостовой кусок хлеба. Вода в фонтане замерзла, тропинки покрыты коварно гладкой коркой льда, баржи на Темзе сердито качаются у причалов.

Сколько он уже ждет, Эдвард не знает. В дальнем конце длинного аванзала, над большими дверями, за которыми сейчас решается его судьба, виднеются часы, но их давно не заводили. У него болят плечи оттого, что он сидит ссутулившись в такой тесноте; да и эта оттоманка у окна слишком жесткая и неудобная. За время томительного ожидания Эдвард грыз заусенцы на пальцах и уже дважды пересчитывал фрески на потолке. А уж сколько раз повторил про себя девиз Общества – *Non extinguetur*, – он и вспомнить не мог. «Неугасимые». Вот так. Он, верно, ждет уже час. Или несколько минут.

На коленях у него лежит доклад, который он представил комитету. Простой переплет, бумага – самая дешевая, что есть в продаже, но это плод его любви, его наивысшее достижение за двадцать шесть лет жизни, которое, как надеется Эдвард, станет его пропуском в Общество древностей¹¹. «Опыт исследования памятника пастуху в Шагборо-холле». Теперь все зависит от исхода выборов – количества «синих записок». Нужно как минимум пять голосов.

Когда дверь наконец отворяется, Эдвард встает, прижимая свой «Опыт» к груди. Корнелиус Эшмол, его старинный (и единственный) друг, направляется к нему, и паркет скрипит под его тяжелыми шагами. Эдвард выдавливает улыбку надежды, но по выражению лица Эшмола понимает, что тот пришел с дурными вестями. Подойдя к нему, Корнелиус виновато качает головой.

– Только два голоса «за».

Обескураженный, Эдвард опускается на оттоманку, и сжимающие опус руки безвольно повисают между коленями.

– Это моя третья попытка, Корнелиус, я все так тщательно...

– Ты же знаешь методы Гофа. Я тебя предупреждал. Ему требуется нечто менее загадочное, основанное на научных изысканиях в области древностей.

– Но в отсутствие фактов, Корнелиус, приходится прибегать к логическим допущениям! – Эдвард поднимает доклад и трясет им перед лицом друга. – Мне казалось, этого будет довольно. Мне правда так казалось. Я углубился в детали. Мои рисунки...

– «Любитель» – боюсь, так они тебя называли, – скривившись, отвечает Корнелиус. – Они все еще не могут забыть таких, как Стакли. Если для тебя это станет хоть каким-то утешением, они сказали, что ты – многообещающий исследователь. Основательность твоих описаний и впрямь произвела на них глубокое впечатление.

– Хм...

Длинноногий Корнелиус присаживается на корточки.

– Многие, – учтиво продолжает он, – принимаются в Общество уже в зрелом возрасте. Некоторые – глубокими стариками.

Эдвард бросает на друга печальный взгляд.

– Полагаешь, это может меня успокоить? – И добавляет: – Тебе-то самому лишь тридцать!

¹¹ Национальное историко-археологическое научное общество Великобритании, основанное в 1707 году. С 1751 года – Королевское общество древностей.

– Но я познал все прелести Гран-тура. Целое лето я раскапывал итальянские гробницы, а по возвращении смог посвятить свое свободное время научным интересам. К тому же мой отец – член совета Общества! – Видя, как сильно расстроен Эдвард, он ободряюще кладет руку на плечо молодому человеку. – Я вовсе не хочу кичиться перед тобой своей счастливой судьбой, но именно такие обстоятельства имеют решающее значение. Подумай сам, как бы ты собой гордился, если бы тебе удалось заполучить место в Обществе лишь благодаря собственным заслугам. Добиться этого не с помощью уловок, а исключительно своим талантом.

Но Эдвард качает головой.

– Насколько же легче тем, у кого есть деньги, добиваться того, что недоступно остальным.

– Ну вот, теперь ты впал в мелодраматичность.

– И это говорит человек, который богат с рождения!

Корнелиусу на это нечего ответить, оба замолкают и вслушиваются в завывания ветра, резко стучащего в оконное стекло. Потом Корнелиус толкает локтем колено Эдварда.

– А помнишь, когда мы были мальчишками, я хвастался, что могу без остановки проплыть до беседки посередине пруда и обратно?

Эдвард улыбается, вспоминая об этом.

– Ты смог осилить только половину пути, начал барахтаться в камышах и едва не утонул.

– А ты сидел в лодке рядом со мной и все уговаривал плыть дальше, не сдаваться, хотя мы оба понимали, что я сглупил, пустившись в этот заплыв.

Так у них всегда и бывало: один подбадривал другого лишь по той причине, что это доставляло ему удовольствие, а вообще же они слишком разные – как вода и вино. Корнелиус был богачом по сравнению с бедняком Эдвардом, хорошо образованным – по сравнению с самоучкой, брюнетом – рядом с блондином. А Эдвард был молчаливым рядом со словоохотливым Корнелиусом, низкорослым в сравнении с долговязым, неудачливым – рядом с везунчиком. Насколько странным дуэтом они были когда-то, настолько же странный представляют собой сейчас, и оба смеются, вспоминая детство, хотя смех Эдварда намеренно приглушен. Улыбка Корнелиуса дрожит и тает. Они вновь погружаются в молчание. Но ненадолго.

– Мне правда очень жаль, Эдвард. Не знаю, что еще сказать.

– Ничего и не надо говорить.

– Кроме разве что... ты не сдавайся! Хотя, полагаю, подобные трюизмы в данной ситуации еще больше тебя удручат.

– Ты правильно полагаешь.

Пауза.

– Но нужно сохранять присутствие духа. Я буду поддерживать тебя, чем смогу, сколько бы это ни стоило, в чем бы ты ни нуждался. И ты знаешь, что так и будет.

– Даже если я сглупил, пустившись в этот заплыв?

– Даже если так.

Эдвард ничего не говорит; ему так горько, что слова Корнелиуса не находят отклика в его душе. Сколько уже потратил Корнелиус на то, чтобы ему помочь? Сколько времени ему позволили провести вне переплетной мастерской? Эти мысли больно ранят его, вгоняют в стыд, и Эдвард встает, ероша пальцами шевелюру.

– Мне пора.

Корнелиус тоже выпрямляется в полный рост.

– Работа может подождать, сам знаешь.

– Не может. Я вот... – Эдвард вздыхает, трясет головой и чувствует, как горячий укол унижения обжигает кожу, словно тавро. – Мне нужно идти.

Эдвард отворачивается и торопливо шагает по коридору, потом входит в аванзал. Корнелиус следует за ним по пятам. Когда они оказываются на верхней площадке широкой лестницы, Корнелиус прекращает свою упрямую погоню, и Эдвард, спускаясь по ступеням вниз, ощу-

щает на спине сердобольный взгляд друга, словно вонзенный в спину кинжал. Желая поскорее избавиться от этого взгляда, он ускоряет шаг, выбегает через главный вход Сомерсет-хауса и, сразу попав в вихрь ветра, укрывается от зимней стужи в многолюдном лабиринте Лондона, в успокоительном потоке уличного движения.

Его переплетенный «Опыт» гнется под порывами ветра. На мгновение у Эдварда возникает желание выкинуть его в первую попавшуюся сточную канаву, но любовь к своему труду пересиливает, он прячет рукопись под пальто и, скрестив руки на груди, прижимает к себе, как щит. Он идет по Стрэнду, опустив голову и утопив подбородок в складках шарфа. Старается ни о чем не думать, обращая внимание лишь на то, куда поставить ногу – одну, затем другую. Войдя под высокую арку Темпл бара¹², Эдвард радуется, что шумная суета Стрэнда осталась позади.

Утомленный дурными вестями и единоборством с январским ветром, он спешит в кофейню неподалеку от Флит-стрит, но не потому, что его привлекает густой аромат кофе (с большим удовольствием он наслаждался бы большим стаканом эля), а потому, что там тепло; пальцы на ногах почти превратились в сосульки, и Эдвард искренне недоумевает, отчего они еще не отломались. Когда позже он окажется в уютном тепле своей съемной квартирki и начнет стягивать башмаки, оттуда, наверное, вывалятся заледеневшие обрубki.

Эдвард разматывает шарф, находит удобный уголок возле камина и просит принести чашку кофе. «Опыт» он по-прежнему прячет под пальто. Осторожно отпивает кофе, но напиток обжигающе горяч, и, удерживая чашку в обеих ладонях, Эдвард пропитывается умиротворяющим ароматом душистых специй и устремляет невидящий взгляд на каминную решетку.

Время потрачено впустую. Опять.

Предпринимая первую попытку, он даже не надеялся на успех – доклад содержал его мысли о списке прочитанных трудов (позаимствованных у Корнелиуса и отца Корнелиуса) – от ранних исследований Монмута и Ламбарда, Стоу и Кэмдена до более поздних работ Уэнли, Стакли и Гофа. Его знание латыни (ограниченное в некоторых областях) было на надлежащем уровне, а интерес к данной сфере очевиден, но... нет – ему недоставало образования, он не обладал необходимыми знаниями; у него не имелось собственных оригинальных идей. Эдвард вознамерился продолжить исследования, решив сосредоточить усилия на изучении статуй в лондонских церквях, потому как этих штукovin здесь было до черта. Он возлагал немалые надежды на свою вторую попытку. Но полученный им ответ гласил: хотя его доклад произвел хорошее впечатление, было очевидно, что автор и на сей раз не выдвинул никаких новых идей, и тогда Эдвард избрал иной путь.

В детстве Эдвард и Корнелиус частенько обследовали глухие уголки Стаффордшира, окрестности Сэндбурна, сельского имения Эшмолов. И соседнее имение Шагборо-холл – менее чем в шести милях и всего в трех, если добираться туда по реке, – нередко становилось для двух друзей ареной увлекательных приключений. Эдвард и теперь помнил, как однажды они втихую забрались на территорию имения и обнаружили памятник, словно намеренно укрытый в лесной чаще. Это было в высшей степени примечательное изваяние – большая красивая арка с двумя высеченными из камня головами, похожими на двух суровых часовых. Между этими головами была установлена прямоугольная плита с рельефным изображением четырех фигур, стоящих у гробницы. Это была, как позднее узнал Эдвард, копия картины Пуссена, но с некоторыми изменениями: дополнительными саркофагами и надписью, где упоминалась «Аркадия». Но что глубоко потрясло Эдварда, даже тогда, в детстве, так это восемь букв, вырезанных на пустой поверхности камня под скульптурой: O U O S V A V V сверху, и еще D

¹² Темпл бар – главный вход в Лондонский Сити из Вестминстера.

и М между буквами. На римских гробницах буквы D и M обыкновенно означали Dis Manibus – то есть «Посвященный теньям». Но здесь же не римская гробница! Значит, это шифр¹³.

Какая замечательная тема для исследования, что может быть лучше такого способа получить доступ в Общество, куда он многие годы так жаждал попасть? Заимев рекомендательное письмо от Корнелиуса и щедрое пожертвование, туго набившее его кошелек, Эдвард получил разрешение остаться в имении и свободно обследовать его территорию.

Он перебрал все пришедшие ему в голову предположения: зашифрованное любовное послание покойной супруге, акроним латинского изречения или просто буквы, высеченные после завершения памятника и являющиеся инициалами нынешнего владельца – некоего Джорджа Адамса, его жены и их родственников (хотя сам мистер Адамс отказался давать свои комментарии). Эдвард учел даже тот вариант, что буквы могли указывать на координаты затонувших в море сокровищ – на эту мысль его навела история морских путешествий владельцев Шагборо.

У Эдварда ушло четыре месяца на то, чтобы завершить свои изыскания, пролившие свет на эти столь несхожие гипотезы, и еще два месяца, чтобы свести их воедино. Никого, за исключением Джозайи Веджвуда¹⁴, прежде не интересовала эта надпись, но он заметил ее десять с лишним лет тому назад, о чем сделал пару записей, стоящих внимания. И, несмотря на то что сопроводительные рисунки Эдварда были сочтены – как мрачно аттестовал их Корнелиус, – «любительскими», его подробный доклад значительно превосходил любое исследование данного памятника, видевшее свет до сих пор. Уже одно это, как полагал Эдвард, гарантировало ему успех.

Но этого оказалось недостаточно.

– Послушайте, друг мой, неужели все так плохо?

Очнувшись от своих раздумий, Эдвард поднимает глаза, желая узнать, кому принадлежит этот голос. В кресле напротив него сидит пожилой джентльмен в выдавшем виды шерстяном костюме. У него длинные седые волосы и старомодная седая борода. Сам того не желая, Эдвард отвечает горьким смешком, трясет головой и подносит ко рту кофейную чашку. Делает глоток, и лицо его искажает гримаса. Напиток совсем остыл. Сколько же времени он тут просидел, позабыв обо всем?

Седовласый джентльмен поднимает два пальца вверх, подзывая подавальщицу.

– Еще кофейник, будьте так любезны! – и обращается к Эдварду: – Не желаете присоединиться?

– Я сейчас не очень хороший собеседник.

– Чепуха! Я настаиваю!

Эдвард не без колебаний соглашается. Ему не хочется выглядеть грубияном, это испытанное разочарование ожесточило его. А седой джентльмен, думает Эдвард, искренне старается быть с ним любезным.

– Благодарю вас, сэра.

Кофейник на столе. Старый джентльмен разливает кофе по чашкам.

– Итак, – говорит он, – чем вы так опечалены?

У него твердый голос, который опровергает почтенный возраст. Сколько же ему – семьдесят? Восемьдесят? Эдвард смотрит на него, теряясь в догадках. Стоит ли довериться незнакомцу? Но, как только ему в голову приходит такая мысль, он чувствует неодолимое желание забыть о всякой предосторожности – теперь это не имеет никакого значения.

¹³ Надпись Шагборо – загадочная последовательность букв, высеченных на каменной плите с зеркальным изображением картины Н. Пуссена «Пастухи Аркадии», которую обнаружили в конце XVIII века в имении Шагборо-холл в английском графстве Стаффордшир. Этот текст так и не был расшифрован.

¹⁴ Джозайя Веджвуд (1730–1795) – знаменитый английский керамист, королевский поставщик, создатель мануфактуры «Этрурия», член Королевского научного общества (с 1783 г.). Родной дед Чарльза Дарвина.

– Тем, что мое третье и последнее прошение о вступлении в Общество древностей было отвергнуто. – С этими словами Эдвард распахивает пальто и бросает свой «Опыт» на стол между ними. Брошюра с глухим стуком падает, раскрывается, страницы шелестят. – Вот, моя свежая неудача.

Глаза старика – необычного голубого оттенка, замечает Эдвард, – внимательно изучают гравюру в тексте. Он удивленно вздергивает брови.

– Неужели? Возможно, это всего лишь временная заминка, но едва ли конец света, а? Почему вы говорите «последнее»?

– Потому что я не могу тратить время на четвертую попытку.

– Что вам мешает?

– Отсутствие денег, сэр. И времени.

– А!

Воцаряется молчание. Эдвард чувствует, что требуется более подробное объяснение.

– Я работаю переплетчиком книг. Мое ремесло обеспечивает мне скромный доход, но оно мне не интересно. Оно меня не вдохновляет. – Эдвард качает головой, слышит в своем голосе нотки жалости к себе, но, раз начав исповедь, уже не может остановиться. – Я вырос в большом имении, все детство проводил раскопки поблизости, собирал разные вещицы. Мы с моим другом часами копались в лесах, притворяясь великими исследователями вроде Колумба или сэра Уолтера Рэли.

Пожилый джентльмен с понимающим видом кивает.

– И что же произошло потом?

– Мой друг отправился учиться в Оксфорд, а я – в Лондон, в переплетную мастерскую.

Эдвард успевает быстро отхлебнуть кофе, прежде чем из глубин его памяти изливаются другие события. Он ставит чашку на блюдце. Джентльмен молча смотрит на него изучающим взглядом. Спустя какое-то время Эдвард продолжает:

– Друг советует мне не отступать.

– Я бы прислушался к его совету.

– Мой благодетель, – горько усмехается Эдвард. Испытывая к Корнелиусу благодарность, он не может смириться с тем, что зависит от кого-то. Он чувствует себя не мужчиной, а зеленым пацаненком, так и оставшимся помощником конюха.

Старик склоняет голову и, кажется, раздумывает над этой горькой репликой.

– Если друг с готовностью предлагает вам вспомоществование, то зачем же гнушаться таким предложением? Многие бы продали свою душу за возможность иметь столь щедрого благодетеля.

– Я понимаю, но просто...

– ...это уязвляет вашу гордость.

– Да.

И опять внезапная тишина. Словно жизнь в кофейне вдруг замерла.

«Уязвляет гордость». Эдвард понимает, какое для него облегчение слышать эти слова, произнесенные вслух, хотя они его не успокаивают. Каким же он был глупцом, вел себя как капризный ребенок! Ему надо бы извиниться перед Корнелиусом, надо загладить свою вину. Подобное поведение едва ли пристало джентльмену, не говоря уж о члене Общества. Остается надеяться, что Корнелиус не держит на него зла за проявленное им тупоумие.

Кофейня снова оживает. Старик смотрит на Эдварда так, словно слышал каждую мысль, промелькнувшую в его голове. Эдвард краснеет и с трудом выдавливает из себя виноватую улыбку.

– Вы, верно, считаете меня недостойным человеком, сэр. Простите мне мою сварливость. Я просто питал чересчур большие надежды.

– Позвольте предложить вам кое-что?

– Разумеется.

Его собеседник отпивает глоток кофе, впиваясь сморщенным ртом в край чашки. Он облизывает губы и очень аккуратно ставит чашку на стол. Потом подается всем телом вперед, словно собирается раскрыть тщательно оберегаемую тайну.

– На Ладгейт-стрит есть магазин. Когда-то он принадлежал отважной семейной паре по фамилии Блейк. Они торговали древностями и преуспели на раскопках захоронений в юго-восточной Европе. В частности, в Греции. Я так понимаю, что интерес к древним произведениям искусства сейчас больше связан с британскими находками, но и в древнем мире есть на чем заработать, интерес к нему еще не угас. Та пара, к сожалению, давно умерла, лет двенадцать или тринадцать тому назад, а магазин... уже не тот, каким был раньше. Брат Элайджи, Иезекия... – и тут рот старика презрительно искривляется, – по сути пустил все прахом, но, если вам повезет, вы можете поговорить с дочерью Элайджи.

– Дочь?

– Да, с Пандорой Блейк. Ей было всего лишь восемь лет, когда умерли ее родители, но она сопровождала их почти во всех экспедициях, и у нее есть явная склонность к этой области знаний. Ее дядя, картограф по профессии, после их смерти стал опекуном ребенка, поселился в магазине и оставил девочку при себе. Если она обладает теми же талантами, что и ее родители, из нее выйдет выдающийся ученый.

– Получается, вы хорошо их знали?

Его собеседник медлит с ответом.

– Мое ремесло состоит в том, чтобы знать всех, кто занимается древностями.

– Так вы коллекционер?

– Да, в некотором роде.

Он больше ничего не говорит. Наступает пауза, и в этот момент в кофейню входит новый посетитель – он вносит с собой с Флит-стрит колючий морозный воздух, и Эдвард не знает, как продолжить беседу. Оба молчат. Старик поднимает чашку. На блюде от нее остался мокрый круг.

– Как они умерли? – наконец находится Эдвард.

Старик отпивает из чашки.

– Случилась трагедия. Они вели раскопки в старом греческом городе. Стены котлована рухнули. Они оказались погребены заживо.

– А Пандора?

– Спаслась, слава Господу.

Эдвард качает головой.

– Ужасно.

– И то верно.

Колокола Темпла отбивают час. Моя очередь, думает Эдвард, лезет в карман пальто, вынимает монету и кладет на стол рядом со своим «Опытом».

– Премного вам благодарен, сэр. Вы очень добры...

Джентльмен машет рукой.

– Не за что, – равнодушно говорит он, словно это и в самом деле пустячное дело, а не ловко подстроенное вторжение в его личное пространство, как подозревает Эдвард. – Мне было приятно.

Эдвард встает из-за стола, а старик устремляет на него взгляд ясных и пронзительных голубых глаз, в бездонной глубине которых таится целый мир. Он протягивает руку на прощание.

– Возможно, мы еще встретимся, мистер Лоуренс?

– Да, – говорит Эдвард, пожимая протянутую руку. Кожа на ощупь как бумага или выношенная перчатка, но рукопожатие на удивление крепкое. – Да. Вполне возможно, встретимся.

Только вечером, когда его чулки и башмаки греются у камина, Эдварду приходит в голову мысль, что он не спросил у старика, как его зовут, а тот ему не представился, но, что самое удивительное, Эдвард не сообщил ему своего имени.

Глава 5

Иезекия снова оставил ее за прилавком – после того как прибежал чумазый паренек и вручил ему записку, дядюшку как ветром сдуло: не успела Дора и глазом моргнуть, как он, не доев завтрак, вылетел из столовой, точно испуганный заяц. Она взглянула на часы – двадцать минут девятого – и задумалась, что за неотложные дела в столь ранний час могли ждать Иезекию и почему о них сообщил уличный оборванец, невыносимо воняющий чем-то таким, о чем Дора не хотела даже думать.

Оставшись одна, она усаживается на высокий табурет (не менее неудобный, чем тот, что стоит у нее наверху) и от скуки начинает болтать ногами. Занятий много – если Лотти не станет прибираться в зале, можно и самой везде вытереть пыль, – но Дора никак не может заставить себя сдвинуться с места, ибо душа ее примерно такая же умиротворенная, как штормовое море. Под прилавком она держит свой альбом для рисования и ридикюль – и то и другое всегда под рукой, так что, когда Иезекия вернется, она сможет сбежать отсюда как можно быстрее.

Сегодня – решающий день, который все изменит.

Она завершила эскиз кружева из канители. И теперь ей остается услышать лишь «да» – в знак признания того, что по предложенным ею образцам стоит изготавливать изысканные украшения, достойные членов высшего общества. Ей надо начать с продажи лишь одного изделия – одного-единственного, – почтенной светской даме. Истинной леди – быть может, баронессе. Или герцогине. Конечно, думает Дора, шансов на то, что кто-то, занимающий высокое положение в аристократической иерархии, восхитится ее изделиями, довольно мало, но с каждой продажей ее известность будет постепенно расти и ей будут делать все больше заказов. А начнется все отсюда. Она завоюет независимость. Она обретет свободу.

«А что будет с магазином? – шепчет голосок в ее голове. – Что станет с ним без тебя?»

Дора больше не болтает ногами. Она же ничего другого не знала в жизни, кроме этого магазина. Это ее дом родной. Если она отсюда съедет, это разобьет ей сердце. А если Иезекия и впрямь собирается продать магазин, то родительское наследие – или то, что от него осталось, – умрет, как и они сами. И пускай стены дома изъедены короедами, а несущие балки начали преть, как иссохшие листья на осенних ветках, с этих стен еще не стерлась карта ее душевного мира: воспоминания о былом.

Она вспоминает об одном Рождестве, проведенном ею в магазине, когда сюда съехались торговцы-антиквары и постоянные покупатели, чтобы совместно отметить праздник и подвести итоги удачного года. В те годы в гостеприимном «Эмпориуме» Блейка было тепло и уютно, дубовый пол отполирован до блеска, с потолочных балок не свисали гроздь паутины, и Дора помнит, как ее завораживали трепещущие огоньки свечей, чьи отблески плясали на чисто вымытых и еще целых оконных стеклах. Папенька носил ее на руках, и хотя Дора тогда еще не имела ни малейшего понятия, о чем толкуют взрослые, он охотно вовлекал малышку дочку в беседы о расширении торговли. Поставки из Вест-Индии, новые лоты для продажи на аукционе «Кристис». Иезекия должен бы дорожить подобными воспоминаниями. Но коль скоро он так легко забыл о своей преданности ее родителям, думает Дора, что будет с ней, когда наступит пора все это продать? Она снова вспоминает его слова, сказанные тогда за ужином... «*Ты уже достаточно взрослая, чтобы продолжать жить со мной под одной крышей*».

Дора судорожно сглатывает. С самого начала Иезекия обращался с ней как с досадной помехой. Определив ее в воскресную школу, дядюшка не проявил ни малейшего интереса к тому, чтобы Дора продолжала получать классическое образование, которое ей начали давать родители: когда она попросила его рассказать о торговле древностями, тот только рассмеялся и ответил, что ей нет нужды засорять мозги подобной ерундой, но при этом он без колебаний поручал ей стоять за прилавком и обслуживать покупателей. Так что нынешние знания Доры

основаны на воспоминаниях детства и на внимательном исследовании предметов старины. И куда же она уйдет, если ей придется съехать отсюда?

Хотя и равнодушный, Иезекия, строго говоря, никогда не проявлял скупости по отношению к ней – в конце концов именно он покупал ей альбомы для рисования, но никакой любви между ними не было. Когда однажды вечером он привел в дом Лотти, она подумала, что теперь, быть может, все в их отношениях переменится. Дора вспоминает, как она впервые увидела женщину на узкой лестнице их дома (не прошло и полугодия после смерти родителей) и как Иезекия объявил, что Лотти теперь будет жить вместе с ними. Она сочла, что эта женщина, облаченная в кургузое красное платье, заменит ей маменьку и что дядюшка будет относиться к ней теперь хотя бы с толикой теплоты, но ее ждало жестокое разочарование. Дору быстренько выселили из ее уютной спальни во втором этаже на холодный, унылый чердак. Здесь, ко всему прочему, она чувствовала себя еще более одинокой.

Куда же ей идти, в самом деле? От этой мысли у нее по ребрам пробегает холодок. У Доры нет никакой родни, кроме Иезекии. Бабушка и дедушка по папенькиной линии давно умерли, а маменька воспитывалась в сиротском приюте в Греции. И пока Дора не будет сама себя содержать, ей некуда податься, она не сможет освободиться от дядюшки. Единственные для нее варианты – работный дом, улица или бордели, но разве это варианты?

Бордели.

Содрогнувшись, Дора вспоминает, каким взглядом утюжил ее Иезекия. *«Я полагал, ты была бы рада сменить обстановку, оказаться в более свободной среде»*. Но он же не имел в виду...

Ее мрачные мысли прерывает звон колокольчика. Дора бросает взгляд на входную дверь, но нет, это не посетитель, а всего лишь Лотти, которая заходит в зал через заднюю дверь.

– Мисси...

Дора фыркает и без всякой на то причины перекладывает с места на место пустую амбарную книгу. Лотти стоит, скрестив руки на груди, и выжидательно глядит на Дору.

– Что-то вы бледненькая. Почему бы вам не выйти прогуляться? Часик-другой вам не помешает, – экономка запинается, что-то прикидывая в уме. – А я тут займусь делами.

Дора с сомнением смотрит на круглое лицо Лотти.

– Вы?

Лотти поднимает брови.

– А почему бы и нет?

Ее предложение в высшей степени необычно. Лотти еще ни разу не предлагала ей присмотреть за магазином, как и никогда не выражала озабоченности самочувствием Доры. Но даже короткие крупицы свободы бесценны, поэтому Дора берет лежащий под прилавком альбом.

Ей не надо предлагать дважды.

Рядом с кладбищем Святого Павла, что на северо-западном углу, стоит ювелирная мастерская «Клементс и Ко», принадлежащая знаменитому в городе золотых дел мастеру. Вниз

ведут четыре крутые узкие ступени, и свободной рукой – в другой она сжимает большой альбом для рисования в кожаном переплете – Дора хватается за железные перила, стараясь не наступить на незаметную под ее юбками выбоину.

Она дергает за шнурок дверного колокольчика и ждет, когда ее впустит привратник с лоснящимся лицом. Внутри тепло, и медовый аромат восковых свечей кажется после уличных миазмов таким приветливым.

Вдоль стен от пола до потолка высятся застекленные витрины, украшенные резными и позолоченными орнаментами, и эти витрины сплошь заполнены яркими сверкающими изделиями. В расположенных ближе ко входу больше повседневной утвари: солидные кубки, большие сервировочные блюда, серебряные столовые приборы с рукоятками из слоновой кости с резными изображениями охотничьих собак и диких кабанов. Эти изделия, спору нет, великолепны, но сердце Доры взволнованно бьется при виде тех, что выставлены прямо у прилавка.

Колье, серьги, браслеты, кольца. Рубины, сапфиры, изумруды и бриллианты. Опаловое стекло, жемчужный песок, закаленная сталь, поднос с керамикой Веджвуда¹⁵. Броши в виде бабочек, разноцветные камни в оправе. И главная достопримечательность, лежащая прямо перед ней, – новое поступление, нечто совершенно восхитительное, такое держат взаперти в потайном шкафу.

На голубой подушечке возлежит тиара. Узор ажурного плетения, изукрашенный круглыми и грушевидными бриллиантами огранки «роза»¹⁶, а в центре – цветок, чьи лепестки расходятся из сердцевины точно солнечные лучи. Дора склоняет голову, встает на цыпочки, старается разглядеть тиару под другим углом. С оборотной стороны она покрыта серебром. Когда Дора делает шаг в сторону, бриллианты переливаются разными оттенками, как будто пускаются в пляс. Они и впрямь изумительны. Дора приникает лицом к стеклу. Если приглядеться внимательнее, можно увидеть свое крошечное отражение в каждой грани.

– Какая красота, – шепчет она.

– И правда красота!

Из задней комнаты появляется мистер Клементс, в руках у него – поднос с кольцами. Худощавый мужчина в очках, с взъерошенной шевелюрой (каштановые с проседью волосы туго стягивает лента) напоминает Доре ученую выдру. Он неизменно носит одежду землистых оттенков, всегда завязывает галстук тугим узлом и выглядит так, будто его силком втиснули в узкий камзол. Это один из немногих джентльменов из дружеского круга ее родителей, с кем Дора продолжает регулярно общаться и от кого она переняла страсть к ювелирному делу.

В тот незабываемый год, когда Хелен, мама Доры, водила ее в «Клементс и Ко» каждую неделю, чтобы полюбоваться выставленным товаром, ювелир за чаем со сладостями пускался объяснять маменьке – с целью дальнейшего описания ее находок – разницу между природными и искусственными драгоценными камнями, рассказывал, где находятся лучшие месторождения бирюзы, откуда произошли опалы. Покуда они вели с маменькой эти беседы, мистер Клементс давал Доре коробку с бисером, чтобы девочке было с чем играть. Он же научил ее делать застёжки и свивать проволоку, он подарил ей первый в жизни набор плоскогубцев и кусачек для металла.

Все ювелирные украшения, которые были у ее маменьки, изготовил мистер Клементс. Дора бережно трогает брошь с камеей, приколотую к вороту платья, – единственную уцелевшую вещицу из маменькиной коллекции, все прочие украшения Иезекия продал, прежде чем Дора осознала, что они исчезли. Мистер Клементс вырезал эту камею из раковины, которую Дора нашла на морском берегу в Пафосе. Простая, но элегантная камея изображает царствен-

¹⁵ Так называемая веджвудская яшма – вид неглазурованных керамических изделий, имитирующих яшмовую или каменную массу, изобретенных английским мастером Джозайей Веджвудом в 1770-е годы.

¹⁶ Огранка «роза» – вид огранки некрупных алмазов, когда обработанный камень представляет собой полусферу с нанесенными на нее 24 треугольными гранями на плоской базе.

ный профиль дамы в венке из виноградных гроздьев, ниспадающих на ее плечо. Маменька всегда позволяла Доре играть с камеей перед сном, и девочка вертела ее в своих маленьких ручонках, восхищаясь тонкой резьбой и ощущая ладошками ее прохладу. Эта брошь была на маменьке, когда она умерла.

– Мистер Клементс!

– Мисс Блейк! Как ты, моя дорогая?

– Что сказать, сэр, – Дора протягивает альбом, сжимая его обеими руками. – Я принесла новые эскизы.

Доре кажется, что на лице ювелира мелькает тень сдержанной досады, но он заглядывает под прилавок, ставит туда поднос с кольцами, достает кусок черного бархата, и, когда смотрит на нее вновь, у него уже вполне добродушный вид.

– Ну что ж, давай поглядим.

Дора кладет альбом на стеклянный прилавок и открывает ридикюль. Очень осторожно, одно за другим, она достает из него свои изделия. Три пары серег – каплевидные, в виде торпеды и шарообразные – сделаны из разных материалов: проволоки и жемчужной крошки, резного дерева и мрамора. Браслет из поддельного томпака¹⁷, фальшивых гранатов, кружев и стекла, два браслета в стиле воксхоллского стекла¹⁸ из осколков зеркала, кольцо в виде шейной ленты с фарфоровыми пуговками, которые она выкрасила так, чтобы походили на агаты.

Напоследок Дора оставила кольцо из золотой канители. При золотистом свете горящих свечей она видит, как красиво выглядят голубые стеклянные овалы в новом обрамлении. Две ночи она потратила, работая над этой подвеской, взгромоздившись на высокий неудобный табурет, две бессонные ночи, после которых у нее разламывалась спина, но Дора необычайно гордится своей работой. Сколько тяжких усилий ушло на то, чтобы заставить тончайшую проволоку превратиться в двадцать крошечных витых цветков, которые симметрично расположились по обоим краям кольца. Оно выглядит так элегантно, так роскошно. Это ее лучшее произведение.

Дора демонстрирует свои изделия, а именитый золотых дел мастер берет каждое и рассматривает со всех сторон, прищуривается поверх очков, чтобы лучше разглядеть мелкие детали, аккуратно кладет их на кусок бархата, хмыкает и крикает. Она довольна, ведь, как ей кажется, он восхищен. Но Дора еще не закончила.

– Я понимаю, – говорит она, раскрывая альбом с эскизами, – что все это довольно грубые поделки в сравнении с теми украшениями, которые вы могли бы изготовить в вашей мастерской. Но вы можете увидеть в моих эскизах, чего я пыталась достичь. Вот, – добавляет она, демонстрируя ажурное кольцо. – Золото и аквамарин. Оно будет выглядеть великолепно и с настоящими материалами, и с фальшивыми, если подобрать нужный оттенок...

Мистер Клементс никак на это не реагирует, и она поспешно продолжает:

– Я счастлива, что могу опираться на ваш опыт. Добавьте дополнительные декоративные элементы, если желаете. Тут подойдут цветы. Возможно, перья, если будет нужно упростить композицию...

– Мисс Блейк, – перебивает ювелир, и его слова теряются в глубоком вздохе.

У Доры внутри все сжимается. Страница альбома выскальзывает из пальцев.

– Значит, вам не нравится?

– Не то чтобы не нравится. Дорогая... – Он умолкает и виновато глядит на нее. – Как бы мне выразиться помягче? Я уделяю тебе время ради твоих родителей, благослови Господь их бессмертные души. Но... – Мистер Клементс пытается изобразить добродушную улыбку. –

¹⁷ Разновидность латуни, сплав меди и цинка, использовавшийся в XVIII веке в ювелирном деле как дешевый заменитель золота.

¹⁸ Популярный в XVIII веке материал для бижутерии, «зеркальное стекло».

Твои рисунки, должен признаться, сами по себе прелестны, но я не могу назвать их никак иначе, кроме как прелестными.

– А как же... – обескураженная Дора осекается, но продолжает: – Вы же мне обещали!

Мистер Клементс снимает очки и аккуратно кладет их на прилавок.

– Я ничего не обещал. Я лишь сказал, что посмотрю твои рисунки и, возможно, использую что-то для пополнения моей коллекции.

У Доры округляются глаза. Потом она очень медленно опирается ладонями о прилавок и наклоняется к нему.

– Мистер Клементс, вы же сами предложили мне собрать эскизы в альбом и изготовить некоторые образцы, чтобы продемонстрировать их ценность! Вы, возможно, не сказали мне напрямую, что возьмете их, но, если вы не верили в то, что мои эскизы имеют хоть какую-то ценность, если заранее считали их не более чем прелестными безделушками, которые только и способна придумать слабая женщина, тогда зачем было все это говорить? Зачем дарить мне ложные надежды?

Ювелир складывает ладони и пытается успокоить Дору, но никакие слова не могут унять ее горькое разочарование и уязвленное самолюбие.

– Вы только зря потратили мое время, мистер Клементс. Мое и свое.

Ювелир издает еще один горестный вздох.

– Мисс Блейк... Дора. Я не хотел тебя обидеть. Эти твои изделия... – он указывает на разложенные на бархате образцы, останавливаясь на молочно-голубом камне в колье из канители, – они в самом деле весьма прелест...

– Мистер Клементс, если вы еще раз назовете их прелестными...

– Хорошо, миленькие.

– Разве это не то же самое?

Он поджимает губы.

– Ты выказала большое умение, этого я не отрицаю. То, что тебе удалось сделать из грубых простых материалов, просто удивительно. Но здесь нет ничего уникального, ничего такого, что отличало бы твои работы от того, что мужчины-ювелиры делают уже давным-давно. Мода меняется в наше время так же быстро, как погода, и то, что ты сегодня принесла... Словом, это не годится. Не сегодня-завтра, говорят, придет мода на греческий стиль, а в следующем месяце модными могут стать восточные мотивы.

– Греческий? – моргает Дора.

Мистер Клементс как-то весь обмякает, осознавая свою ошибку.

– Д-да-а...

Он растягивает слово.

– А если я придумаю что-то в этом стиле?

– Мисс Блейк...

– Прошу вас, сэръ, дайте мне сказать. Вы же знаете мою родословную, вам известно, чем занимались мои родители. Если я придумаю несколько новых эскизов, а вы их посмотрите, это же никому не повредит, правда? Я сделаю небольшую коллекцию, и если после этого вам все равно ничего не понравится, тогда я брошу свои попытки. Не будете же вы так жестоки, что лишите меня последнего шанса показать, на что я способна?

– Я... – ювелир устремляет на Дору страдальческий взгляд, но она видит, что он дрогнул, и вынимает свою козырную карту. Она трогает брошь-камею около своей шеи.

– *Se iketévo*¹⁹. Прошу вас. Ради моей мамы.

Пауза. Дора чувствует, как пульсирует кровь в висках. Мистер Клементс шумно вздыхает.

¹⁹ Очень прошу (*греч.*).

– Мисс Блейк, ты умеешь настоять на своем. – Выражение его лица смягчается, и он качает головой, признавая свое поражение. – Ладно. Но я ничего тебе не обещаю, – предупреждает он. – Ничего, это тебе ясно?

– Вполне, – отвечает Дора и, взяв свой альбом, шумно его захлопывает. – Но я вам обещаю, сэр, вы не будете разочарованы.

Глава 6

Иезекия же в этот самый момент обуян яростью. Трое братьев Кумб (которые до сих пор всегда были весьма сговорчивы, когда дело касалось денег), ведомые самым старшим из них, едва ли лишат его долгожданного трофея, каковой лежит – так дразняще близко, что до него буквально рукой подать! – перевязанный веревками, на повозке, и впряженная в эту повозку лошадь уже готова доставить его по назначению. Была бы готова, не вмешайся этот баламут Мэттью Кумб.

– Ты же знаешь, как много это для меня значит, – говорит Иезекия, не в силах сдержать умоляющие интонации. – Я слишком долго ждал, и теперь ничто не должно нарушить мои планы. Я уже дважды ее терял, но вы же не лишите меня ее снова?

Мэттью тяжело переминается с ноги на ногу, и под его башмаками скрипит грязный песок Паддл-Дока. Но он не отвечает, и от возмущения шее Иезекии становится жарко, ему даже приходится ослабить узел галстука.

– Вы ведь не заберете это себе, вы же не...

– Нам-то самим это не нужно, – встречает Сэмюэл, самый молодой из троицы.

Но Иезекия не верит.

– Хотите сказать, у вас есть другой покупатель?

Да как они смеют обманывать его доверие?

– Нет, сэр, вовсе нет.

Ну, это уж слишком. Он сжимает кулаки, теряя то хрупкое самообладание, которое тщился сохранять.

– Тогда, черт побери, в какие игры вы со мной играете?

Словно откликаясь на взрыв его эмоций, лошадь фыркает, выпускает две струйки пара в морозный воздух, и Иезекия чувствует, как набухают вены у него на висках. Его лицо, наверное, сильно багровеет, потому что Мэттью наконец отводит глаза.

– Она проклята.

Такого Иезекия не ожидал. Несуразность этого заявления тут же уняла его гнев.

– Это полная чепуха!

– Уверяю вас, с ней что-то не то. Ей здесь не место.

Мэттью чешет запястье. Иезекия с отвращением замечает ржавое пятно на его рукаве.

– Чепуха! – снова говорит он. – У тебя помутнение в голове от недосыпа. Только и всего.

– Недосып – это бы еще ничего. Мы глаз не сомкнули с тех пор, как ее привезли.

Братья и впрямь выглядят измученными: их рты плотно сжаты и напоминают сушеные груши, кожа серая, как донный ил, но Иезекию это мало волнует, потому что он чувствует присутствие чужих ушей. Весь док вдруг затих. Тибб и его работники встали полукругом, ассенизаторы, забыв обо всем, склонились над своими лопатами, от которых поднимается вонючий пар. Он видит, как двое – один из них тот самый китаец, в этом Иезекия уверен, – обмениваются репликами, и кто-то позади смеется. Испытывая горькое разочарование и обиду, он шагает к Мэттью и обхватывает рукой его мускулистое плечо. Ноздри улавливают тяжелый смрад давно не мытой кожи, солоноватый запах рыбы и водорослей. Эти ароматы смешиваются с тошнотворным зловонием экскрементов и гнилья, плавающего в Темзе, так что Иезекии приходится собрать в кулак всю свою волю, чтобы его не вырвало прямо на башмаки.

– А теперь слушай меня, – шипит Иезекия, – я не позволю тебе все разрушить.

– Да это не мы разрушаем, а эта штука, – Мэттью кивает за спину. – Это негодящая вещь.

Дрянная.

– А я говорю, все это чепуха!

– Сэр, знали бы вы, что учудила эта штука. Чарли за несколько дней не произнес ни слова.

– Довольно, Кумб, а иначе ни ты, ни твои братья не получите ни гроша!

– Э нет, мистер Блейк, – возражает Мэттью, и теперь его голос обретает твердость. – Мы хотим больше денег. За все наши тяжкие труды, которых нам стоило добыть эту штуку, за плавание, которое мы с ней совершили. А главное, за те опасности, которым вы нас подвергли. Я полагаю, все это стоит вдвое больше той суммы, на которую мы уговорились.

– Этого не будет! – фыркает Иезекия, но теперь и сам понимает, что теряет контроль над происходящим. – Цена, которую я назначил, более чем достойная.

– Тогда мы снова погрузим ее на корабль, свезем в открытое море и выбросим за борт, где этой чертовой дряни самое место.

Когда Мэттью собирается уйти, Иезекия крепче сжимает его руку.

– Нет! Прошу тебя! Я...

Во рту у него пересыхает, взгляд становится безумным. Он не может этого лишиться, просто не может. Братья Кумб глядят на него мутными глазами. Иезекия корчит гримасу и отпускает руку Мэттью.

– Я сейчас дам вам оговоренное вознаграждение, а остальное – когда сам совершу сделку. Раньше этого я не смогу вам заплатить.

На скуле Мэттью дергается мускул. Три брата переглядываются, кивают.

– Отлично, – говорит Мэттью. Он кивает братьям, и те забираются в повозку. – Но, если мы не получим деньги до конца месяца, будьте уверены, что мы придем и выломаем вашу дверь.

Иезекия сердито вскидывается.

– Вам что, недостаточно моего слова? Я хоть раз вас обманывал?

– Нет, – примирительно говорит Мэттью, беря в руки поводья. – Но раньше мы и не доставляли вам ничего подобного.

Глава 7

И снова она вынуждена считать часы. Придется еще некоторое время провести под одной крышей с Иезекией. Но Дора упряма, и ее воображение уже взмахивает крылами.

Что ж, ее украшения пришлось не ко двору. Не важно, думает Дора, шагая по дорожке, ведущей к собору Святого Павла. Пройдет несколько лет, и они войдут в моду, а она постарается, чтобы к тому времени ее изделия остались в целости и сохранности. Она же не дура. Дора прекрасно понимает, что ювелир просто хочет ее попридержать. Скорее всего, он ей снова откажет. Но кто лучше нее изготовит такие украшения? Это ведь ее маменька была гречанкой. Дора провела все детство на раскопках в Греции. Это у нее в крови!

«Agáli-agáli gínetai i agourída méli». *«Медленно, очень медленно горький виноград превращается в мед».*

Требуется время, чтобы вырасти или стать лучше.

Каждое утро после завтрака, еще до того как родители стали уезжать на раскопки, Дору учили греческому алфавиту, пословицам и древним легендам маменькиной родины. «Имей терпение» – вот что значила эта пословица. Но разве она недостаточно долго была терпеливой?

Когда Дора вновь оказывается в сутолоке Ладгейт-стрит, она переходит на правую сторону улицы, где широкий тротуар позволяет избегать встречных экипажей и толкотни лондонской толпы. После морозной ночи дороги покрылись тонким черным льдом; чтобы пройти здесь и не упасть, требуется известная сноровка, умение твердо ставить подошву, при этом чуть наклоняя тело вперед, чтобы при ходьбе равномерно переносить его вес с одной ноги на другую, так что перемещение по скользким улицам города становится рискованным физическим упражнением. Дора оказывается между книжной лавкой и портновской мастерской, когда позади нее бьют одиннадцать часов колокола Святого Павла, а прямо перед ней происходит нечто ужасное. Лошадиное ржание прорезает воздух.

Дора умудряется пробраться сквозь тотчас собравшуюся толпу, стараясь не поднимать голову, ибо подобные происшествия здесь не редкость, и большинство имеют ужасные последствия – лучше избегать кошмарных видений, которые будут долго тебя преследовать, если ты увидишь все своими собственными глазами, – но тут она слышит женский вопль и узнает голос Лотти Норрис. Дора поднимает глаза – и в то же самое мгновение видит метнувшуюся от дверей их магазина служанку с развевающимися юбками. Дора подхватывает свои юбки и, забыв обо всем, тоже переходит на бег. Прямо перед их магазином перевернулась повозка. Лошадь, хотя и лежит на боку, вроде бы не пострадала. Но под ней... Нога Иезекии застряла под крупом лошади, и он, театрально взывая, во всеуслышание сообщает о своих страданиях. Обступив его полукругом, стоят, неуклюже переминаясь с ноги на ногу, трое не знакомых Доре мужчин. Один из них нервно мнет в руках потрепанную шапку.

– Видите? – вопит незнакомец. – Вы видите? Из-за нее одни напасти!

Дора изумленно глядит на них. Крупные мускулистые мужчины, все с медно-рыжими волосами, у всех одинаковые, очень светлые глаза в прожилках кровеносных сосудов, и все очень болезненного вида, отмечает она, глядя на их серые лица. Подойдя поближе, она чувствует исходящий от них горьковато-затхлый запах моря.

– Чертова животиная поскользнулась на льду – только и всего! – Иезекия чуть не плюется. – Она сломала мой трофей. Пристрелите ее, кто-нибудь! Проклятая тварь заплатит за это своей жизнью, будьте уверены!

– Ну-ну, – воркует подскочившая Лотти, сунув ладонь ему в руку. – Возможно, никакого ущерба нет.

– Разумеется, ущерб есть! – отрезает Иезекия, тщетно пытаясь вытащить ногу из-под лошади. – Не может быть, что нет ущерба. Мэттью, скажи мне, как там дела?

Любопытство Доры достигает апогея, и она идет за здоровенным мужчиной к задку крытой повозки. Колесо все еще крутится, борт повозки разбился в щепки, а груз... На булыжной мостовой лежит огромный дощатый ящик, обвязанный канатом. Углы ящика вдавлены, бока облеплены моллюсками, доски покрыты пятнами ржавчины. На одной из сторон краской размашисто намалеван большой крест. Здоровяк медленно обходит вокруг ящика. В одном углу, замечает Дора, есть темная зияющая дыра, здоровяк подходит и, приблизив к дыре лицо, заглядывает внутрь. Наступает тишина, которую прерывает взволнованный шепот зевак.

– Ну что? – Иезекия привстает на локте, приподнимая свое упитанное туловище. – Я прав, да? – стонет он. – Все разбито вдребезги? Проклятая лошадь! – Он пытается стукнуть кобылу кулаком, но та с ржанием шарахается от него.

Ослепленный гневом Иезекия не замечает взгляда, которым обмениваются трое мужчин, – они явно братья, решает Дора. Она этот взгляд замечает, в нем угадывается не испуг и не удивление, а скорее смирение, словно именно этого они и ожидали, словно заранее знали, что так и случится...

Тот, кого звали Мэттью, откашливается:

– Все цело, сэр. Я уверен.

Иезекия издает резкий хохоток, хватая Лотти за подбородок и смачно целует ее в щеку.

– Удача меня не покидает, что ни говори! А теперь, кто-нибудь, достаньте меня из-под этой зверюги!

Его освобождают с превеликими усилиями. Иезекия встает и, морщась, вытаскивает из бедера ржавый гвоздь. На кончике гвоздя блестит красная капля.

– Вот, поглядите! – кричит дядюшка. Он швыряет гвоздь подальше на мостовую, и тот падает с металлическим звяканьем. Иезекия опирается на руку Лотти, и та сгибается под его весом, хотя, судя по ее лицу, она вовсе не против.

Из толпы выступает старик с длинными седыми волосами и протягивает Иезекии руку.

– Позвольте, сэр, я помогу вам дойти до дому. Я надеюсь, вы можете идти?

– О да, хотя это просто чудо! Вы же видели? Моя нога могла быть сломана.

– И в самом деле, могла, – бормочет седой джентльмен. – Но как вы и сказали, удача вас, похоже, не покидает. Всего лишь небольшая ранка. Идемте?

Иезекия опирается на предложенную руку, и вот так, в сопровождении седого старика, который поддерживает его с одной стороны, и Лотти – с другой, он прихрамывая заходит в магазин. На пороге он оборачивается к трем рыжеволосым мужчинам:

– Занесите ящик в подвал. Я попрошу Лотти отпереть замок.

Иезекия вынимает из-под рубашки цепочку, на которой болтается небольшой металлический ключик, и Дора больше не в силах молчать:

– Давайте я помогу!

От неожиданности Иезекия вздрагивает. Цепочка соскальзывает с его пальцев. Он явно не заметил племянницу в толпе.

– Дора? – Дядюшка переводит взгляд на Лотти и понижает голос: – Она же должна была уйти из дома.

Лотти пожимает плечами.

– Ну да.

Так вот почему Лотти гнала ее прочь.

– Дядюшка, – говорит Дора, не в силах скрыть нетерпение. – Что там такое? Что вы купили? – И она буквально видит, как в голове у Иезекии бьются мысли, точно испуганные рыбки в ведре.

– Ступай в дом, – злобно бросает он.

– Почему?

На его лице возникает выражение испуга, но, прежде чем Доре удастся выудить из него ответ, на помощь к Иезекии приходит седой джентльмен.

– Мисс Блейк, ваш дядя страдает от боли, на улице холодно. Может быть, – он кивает на собирающуюся вокруг них толпу, – будет лучше продолжить этот разговор в доме?

Дора раскрывает рот, потом закрывает, и, прежде чем она успевает предпринять вторую попытку, Иезекию – он теперь и смотреть в ее сторону не желает – заводят под руки в магазин. За спиной раздаются кряхтенье и скрипы. Дора оборачивается и видит трех мужчин, с трудом волокущих здоровенный деревянный ящик.

Она отходит в сторону, позволяя братьям пройти мимо, и прищурившись глядит им вслед.

Глава 8

Внимание к деталям и необходимая для этого сосредоточенность – его конек.

Переплетная мастерская притулилась в дальнем конце Рассел-стрит, прямо на углу, где мостовая, резко изгибаясь, вливается в Друри-лейн. Рабочая комнатка Эдварда выходит окном в переулок позади мастерской. Расположенное высоко над землей, небольшое, размером с карман, оконце скудно пропускает свет, которого явно недостаточно для работы. Но зато Эдварда не отвлекают ни прохожие, которые могли бы стучать в окно, ни празднующие зеваки, беззастенчиво заглядывающие в комнату за стеклом. Когда он работает, то всегда зажигает у себя в комнатке множество свечей, хотя старший мастер-переплетчик Тобиас Фингл не видит в этих расходах никакой необходимости.

Эдвард с ним полностью согласен. Ему бы вполне хватило и половины свечей. Орнаменты, которыми он украшает кожаные переплеты, делаются не благодаря тонким манипуляциям пальцами, но с помощью оттисков – от Эдварда только и требуется, что впечатывать их прессом в нужные места.

Дело в том, что Эдвард терпеть не может темноты.

Фингл это понимает. Хотя вслух ничего не говорит. Они с Эдвардом единственные, кто остался в мастерской после ухода всех, работавших тут изначально. Лишь они двое знают, как здесь обстояли дела раньше. Раньше, когда ни у кого не было ни свободной минутки, ни возможности передохнуть. Не было времени даже, чтобы подлечить производственные увечья.

Эдвард вжимает филетку²⁰ в телячью кожу, проводит горячим металлическим диском по переплету, оставляя ровную двойную выемку по периметру обложки. Он отвечает за финальную стадию процесса книгопечатания. В задачу Эдварда входит окраска книжного переплета после того, как все страницы вшиты в корешок, а на кожу нанесены изящные тисненные узоры и рубчики. Работа это несложная, для нее требуется лишь твердая рука и зоркий глаз. Пускай он и художник-любитель, но изготавливать красивые книжные переплеты... здесь он превзойдет любого. Кэрроу обучил его на славу.

Плотно сжав губы от усердия, Эдвард отнимает филетку от кожи и откладывает в сторону. Теперь он достает металлический штамп из небольшой дровяной печи, которая используется для нагревания инструментов, переворачивает, чтобы еще раз проверить орнамент: выющиеся вокруг филигранных стеблей листья плюща. И принимается за оформление краев переплета.

Сосредоточиться. Забыть обо всем.

Спасибо Корнелиусу, Эдвард теперь волен делать все, что заблагорассудится. Он, конечно, мог бы и вовсе уйти из мастерской. Но чем, спросил Эдвард, когда Корнелиус именно это и предложил, ему заняться? Куда податься? Он, в отличие от Корнелиуса, у которого было вдоволь денег и полно свободного времени, должен зарабатывать себе на жизнь. А он ничему другому не обучен. Поэтому Эдвард и остался в переплетной мастерской, продолжая заниматься ремеслом, которому его так хорошо обучили. В уютной и практически полной тишине, в комнатке, освещенной яркими свечами, разгонявшими тьму.

Как странно, думает Эдвард, что в этом месте, которое раньше внушало ему страх, он теперь чувствует себя в полной безопасности.

Другие работники, разумеется, ни о чем не догадываются. Корнелиус, когда приобрел эту мастерскую, пригласил их сюда – свежая кровь из Стаффордшира, эти провинциальные парни с радостью, как и Эдвард когда-то, переехали в большой город, чтобы заняться ремеслом. Но они возмущены и обижены тем, что у Эдварда будто бы есть личные привилегии, возможно-

²⁰ Филетка – инструмент для ручных печатных работ в переплетном деле.

сти, которые он черпает из сундуков богачей Эшмолов. Эдвард знает, что они негодуют по поводу его частых отлучек, причины которых им неведомы. А после его поездки в Шагборо они едва поверили своим глазам, когда Эдвард как ни в чем не бывало вновь появился в своей комнатухе.

Но они помалкивают. Им платят неплохое жалованье, чтобы они позволяли себе роптать (Корнелиус всегда проявлял щедрость, когда речь шла о его деньгах), да и Фингл не позволяет работникам распускать языки, на что довольно часто и весьма прозрачно намекает. Но Эдварду ровным счетом наплевать, что они там себе думают. Для него эта переплетная мастерская – лишь временное пристанище, где он дожидается своего звездного часа. Принятие в члены Общества – ни о чем другом он и думать не может. Это даст ему возможность путешествовать по миру, заниматься любимым делом – какая же это великая удача, когда тебе платят за то, что ты можешь изучать, лицезреть, трогать предметы, о которых многие годы лишь читал в книгах, книгах, и только в книгах...

Кто-то стучится. Эдвард поднимает штамп для тиснения с кожаного переплета и глядит на застекленную дверь. С другой стороны зернистого стекла маячит едва различимая человеческая фигура, в которой он узнает Фингла. Он снова переводит взгляд на переплет, поворачивает книгу вполборота и опять вжимает штамп в телячью кожу.

Дверь отворяется. Фингл щурится от ярких свечей.

– Мы собираемся в таверну после закрытия. Хотите с нами?

Фингл всегда его об этом спрашивает. Эдвард всегда отвечает одно и то же.

– Нет, благодарю, – произносит он, не отрывая глаз от переплета, но его обычный отказ не позволяет ему избавиться от назойливого присутствия старшего мастера. Фингл все еще стоит в дверном проеме.

– В жизни, знаете ли, есть много чего интересного, нечего вам все время горбатиться за столом. Я думал, может, встретим вместе Новый год, отметим новое начало...

Эти слова заставляют Эдварда поднять глаза. В струящемся из дверного проема тусклом свете Фингл, похоже, силится изобразить нечто вроде дружелюбной улыбки. Эдвард и сам натужно улыбается.

– Сегодня вечером я встречаюсь с мистером Эшмолом.

Фингл колеблется, вроде бы собираясь что-то сказать, но затем передумывает. И брякает:

– Уверены? Мы с ребятами возьмем чего-нибудь поесть. Жаль, если вы не составите нам компанию.

Эдвард снова берется за штамп.

– Едва ли они будут по мне скучать.

– А я буду. Ну, по... – старший мастер делает паузу. – По старой памяти. Думаю, вам это не повредит.

На это Эдвард ничего не отвечает, сосредотачиваясь на процессе тиснения. Облачка дыма кружатся в воздухе, когда раскаленный металл погружается в кожу. Ему всегда нравился этот дымный запах.

Фингл еще мгновение переминается с ноги на ногу и затворяет дверь, оставляя Эдварда в покое.

А тот продолжает работать.

Когда далекие колокола собора Святого Павла наконец отбивают пять вечера, Эдвард собирает вещи, гасит печь и задувает свечи. Идя через мастерскую к выходу, он ощущает на себе колючие взгляды работников, точно укусы насекомых. Он проходит мимо них, втянув голову в плечи, не говоря ни слова.

Особняк в Мэйфере идеально подходит своему владельцу: он яркий, теплый, но в то же время с претензией. Корнелиус – даже в галстук с ослабленным узлом, расстегнутой сорочке и в чулках – производит внушительное впечатление. Он приветствует Эдварда крепким рукопожатием, при этом его красивое широкое лицо принимает заботливо-нежное выражение.

– Я беспокоился о тебе, – говорит он, ведя Эдварда в свою библиотеку. – Вчера вечером я был уже готов отправиться к тебе на квартиру, но потом каким-то чутьем понял, что тебе хочется побыть одному.

– Я сам едва не пошел к тебе, но тут погода испортилась, – извиняющимся тоном произносит Эдвард. – Корнелиус, я...

Но Корнелиус поднимает руку и смотрит на него с шутливым упреком.

– Не надо! Я все прекрасно понимаю.

– Знаю, что понимаешь, – говорит пристыженный Эдвард. – Но я все равно хочу извиниться. Я был совершенный глупец и вел себя, как избалованный ребенок. – Прости меня, Корнелиус.

Его друг улыбается и отступает к буфету с изяществом, которое заставляет Эдварда ощущать свою прискорбную неловкость.

– Никогда не извиняйся, в этом нет нужды. – Корнелиус наливает бренди в бокал и вручает его Эдварду вместе с небольшой вазочкой с грецкими орехами. Орехи напоминают Эдварду крохотные сморщенные позвонки. Корнелиус плюхается в кресло и жестом приглашает друга занять другое – напротив, у камина.

– Бывают моменты, когда стоит позволить себе минуты грусти.

Эдвард с легкой гримасой усаживается на удобное сиденье из дорогой кожи.

– Не слишком ли ты щедр ко мне?

Корнелиус берет бокал со столика и слегка улыбается, глядя на друга поверх кромки стекла.

– Возможно. Но, согласись, я тебя ничем не попрекаю.

– Наступит момент, когда ты не сможешь мне больше помогать. И ты об этом знаешь. На самом деле я уверен, что этот момент уже настал. Ты и так сделал для меня куда больше, чем следовало. – Эдвард вздыхает, вертит бокал в руке, и тут его друг слегка сощуривает веки; в отблесках пламени его зрачки кажутся почти черными.

– Не думай об этом.

– Но...

– Послушай, не тревожься понапрасну. А не то ты испортишь мой сюрприз.

– Какой сюрприз?

Лицо Корнелиуса снова расплывается в ленивой улыбке, он берет со столика маленькую черную шкатулку, наклоняется над ковром – это тигровая шкура с великолепной головой зверя – и передает шкатулку Эдварду. Его незастегнутая рубашка распаивается на шее и обнажает гладкую мускулистую грудь. Эдвард берет шкатулку из пальцев Корнелиуса.

– Что на сей раз?

– Не спрашивай, – отзывается Корнелиус, вновь утопая в кресле. Он выуживает из своей вазочки орех, забрасывает в рот и жует, демонстрируя белые зубы. – Просто открой!

Что Эдвард и делает, смущенно качая головой, потому как Корнелиус вечно проделывает такие хитрости – если не подкладывает тайком деньги в карман его пальто, то посылает свою экономку миссис Хау с провизией к нему на съемную квартиру или...

Эдвард невольно издает шумный выдох.

– Корнелиус, право, это уж слишком...

В шкатулке, на шелковой подушечке цвета сливок лежит пара запонок. Округлой формы, из золота (Эдварду не надо проверять, точно ли из золота, так как Корнелиус не стал бы дарить ничего иного), с простыми изумрудами в центре. С пуговицу каждый. Неброские, но элегантные.

Камни блестят, точно крошечные глазки.

– Они тебе нравятся? – тихо спрашивает Корнелиус.

– О да, конечно, но...

– Перестань! – перебивает его Корнелиус не терпящим возражений тоном. – Мне просто хотелось поднять тебе настроение.

Эдварда так и подмывает упрекнуть друга, но Корнелиус на него не смотрит. Он пристально изучает орех, зажатый у него между двух пальцев. По выражению лица друга Эдвард понимает, что спорить с ним бесполезно и что от его благодарностей Корнелиус отмахнется, как от надоедливового ребенка.

Корнелиус... Как-то раз он с ехидной усмешкой назвал себя ангелом-хранителем Эдварда, и это определение было недалеко от истины. Если бы не Корнелиус, сегодня Эдвард не сидел бы здесь. «Благодетель» – слово возникает в мозгу у Эдварда, прежде чем он успевает отогнать его, и оставляет горький привкус во рту. Избавится ли он когда-нибудь от этих благодеяний?

Эдвард закрывает шкатулку с запонками и аккуратно ставит ее на столик рядом со своим креслом.

– После того как мы вчера расстались, я встретил в кофейне одного джентльмена, – Эдвард рассказывает об этом, чтобы сменить тему. – Он мне кое-что предложил.

Корнелиус отрывает пристальный взгляд от ореха:

– Что же?

Эдвард отпивает глоточек бренди из бокала. Вкус у напитка резкий, почти обжигающий, и, когда жидкость проливается вниз по пищеводу, он ежится.

– Известно ли тебе что-нибудь о семействе Блейк?

– Как-как?

– Блейк, – с нажимом повторяет Эдвард, подавшись вперед. – Элайджа Блейк с женой торговали древностями на Ладгейт-стрит лет двенадцать назад или около того.

Корнелиус усмехается.

– О, Эдвард! Двенадцать лет назад мы были... – Он осекается, словно спохватываясь, и отводит взгляд. – Откуда я могу знать кого-то, кто жил так давно?

– Но ты же наверняка слышал о них позднее? Они были признанными знатоками антиквариата и трагически погибли, скорее всего, на раскопках. После них осталась лавка, которой сейчас владеет брат Элайджи. Иезекия – вроде бы так его зовут.

Корнелиус насупившись глядит в свой бокал, и на лице у него возникает хорошо знакомое Эдварду выражение. Между бровей прорезается морщинка, губы скользят по краю бокала. Разговор явно задел некую тайную струну в его душе.

– Они занимались греческими древностями, – уточняет Эдвард с надеждой в голосе.

Корнелиус нехотя кивает.

– Теперь я что-то припоминаю. Блейк... Я слышал про одну художницу – Хелен, так ее, кажется, звали. Уильям Гамильтон²¹ иногда, в отсутствие Тишбейна²², просил ее рисовать вазы из его греческой коллекции. – Корнелиус отпивает глоток и затем, подержав бренди во рту, глотает. – Возможно, это та самая. А что?

– Этот джентльмен... – тут Эдвард, краснея, умолкает, – поинтересовался, отчего я столь печален. Я ему объяснил, что произошло. Вот тогда-то он и посоветовал мне найти их дочь Пандору Блейк в лавке древностей на Ладгейт-стрит. Он намекнул, что там-де я смогу получить то, что ищу. Нечто, к чему Общество отнесется весьма благосклонно.

Корнелиус озадаченно смотрит на друга.

– О, ради всего святого, Эдвард, неужели ты и впрямь надеешься на то, о чем тебе поведал некий незнакомец в уличной кофейне?

Горящие поленья в камине громко трещат, точно в знак согласия с негодованием хозяина. Эдвард насупливается. Он чувствует обиду и ничего с собой не может поделать.

– Знаю, это звучит безумно, но в нем было нечто такое... Я не могу этого объяснить.

– Но нельзя же полагаться на советы незнакомцев.

– Ты, как всегда, циничен.

– Ну, правда же!

Корнелиус перебрасывает облаченные в одни чулки ноги через подлокотник кресла и тянется ближе к огню. Полураздетый, с черным локоном, упавшим на лоб, он напоминает Эдварду портрет эпохи Ренессанса, кисти, скажем, Микеланджело. Корнелиус делает рукой с бокалом жест в сторону Эдварда.

– Незнакомый человек говорит, что тебе нужно обратиться за советом к девушке, чьи покойные родители изучали греческую керамику. Но тебе же известно, что Общество больше не интересуется искусством Средиземноморья. Гоф ясно дал понять, что сейчас надо сосредоточить свои усилия на британской истории. Древний мир уже и так изучен вдоль и поперек.

– Но в нем так много ценного...

– Разумеется, – набычившись, произносит Корнелиус, – но...

– В конце концов, вспомни о недавних раскопках близ Помпей.

– Да, но там были обнаружены ценнейшие находки. Общество едва ли осталось бы равнодушным к таким же внушительным открытиям.

– Корнелиус, – смиренно говорит Эдвард. – Я надеюсь, что эта девушка располагает чем-то весьма ценным, чем-то заслуживающим серьезного исследования.

В ответ его друг лишь стонет:

– Эдвард, но им не нужны греческие артефакты! Если ты этим займешься, то обречешь себя на очередную неудачу!

– Да, если я решу что-то делать в этом направлении. Но я еще даже не говорил с ней.

– А ты твердо намерен с ней встретиться?

– Я чувствую, что теперь, когда эта идея запала мне в душу, я не смогу от нее отказаться.

И наверное, в сотый раз за сегодняшний день Эдвард думает о разговоре с седовласым стариком – о том, какая это была удача, что они столь случайным образом встретились. Но все же как странно, что старик знал его имя...

Корнелиус громко вздыхает, снимает ноги с подлокотника и ставит их на пол так, что голова тигра оказывается ровнехонько между ними.

²¹ Уильям Дуглас Гамильтон (1730–1803) – английский дипломат и археолог, коллекционер античного искусства.

²² Иоганн Генрих Вильгельм Тишбейн (1751–1829) – немецкий художник-классицист, интересовавшийся древнегреческим искусством.

– Думаю, это ошибка, – предостерегает он Эдварда. – Твои рассуждения основываются только на случайной встрече. Сосредоточься на чем-то другом, на чем-то более конкретном, бога ради!

Эдвард резко, со стуком, ставит бокал на стол.

– Я отказываюсь считать эту встречу случайной.

Он слышит в своем голосе решительные нотки, и на мгновение его охватывает чувство вины, как будто он сказал нечто неуместное, но выражение лица Корнелиуса уже смягчилось и теперь он качает головой не удрученно, а покорно.

– Ты всегда был мечтателем. Бог свидетель, я пытался тебя образумить.

Он отпивает изрядный глоток бренди, кадык его при этом ходит ходуном. Корнелиус смотрит на Эдварда ласково, но в его взгляде таится еще что-то, чего Эдвард не в силах распознать.

– Я просто не хочу, чтобы ты испытал разочарование. Опять.

– Я знаю, что делаю, – мягко возражает Эдвард. В этот самый момент он преисполняется слепой веры в свои слова, ощущает необъяснимую уверенность в себе. Но Корнелиус держит бокал на коленях и кончиком языка облизывает нижнюю губу.

– Иногда, Эдвард, я в этом сомневаюсь.

Глава 9

Пошел снег. Насколько хватает глаз, все лондонские крыши запорошены белыми хлопьями. Чайки привечают низкие облака горестными криками. Дора в своей чердачной комнатке лежит на кровати, закутавшись в кокон одеяла, прижав колени к животу. Она вытягивает немеющие на холоде пальцы, а потом еще крепче сжимает карандаш. Покуда она рисует, Гермес расхаживает взад-вперед по изголовью кровати, цокая когтями по дереву. Пламя свечи трепещет на легком сквознячке, пробивающемся сквозь щели в оконной раме, давно уже требующей починки, и на потолке пляшут блики и тени. На полу валяются отвергнутые эскизы – листки бумаги, скомканные в компактные шарики размером с Дорин кулак, – ее неудачные попытки воплотить задуманное.

Она никак не может сосредоточиться.

Ее нынешняя попытка – серия рисунков, которая выглядит так, будто сделана детской рукой. Окаймление в виде меандра²³, чьи зигзагообразные изгибы прорывают бумагу там, где на карандаш давили слишком сильно. Изыщные опахала из птичьих перьев. Каскады волн. Переплетенные змеи. Цветочные мандалы. Все эти узоры напоминают о Греции, но пока что ни один из рисунков не передает образы, возникшие в воображении Доры. Каждый эскиз отражает лишь ее горькое разочарование и те смутные воспоминания, от которых она не может избавиться.

Дора вздыхает. Выполнять подобные узоры нужно легко, так, будто это ее вторая натура, но сегодня ничего не получается. Ее мысли улетают в подвал, в недрах которого сейчас обретается таинственное приобретение Иезекии.

Дом вздыхает и постанывает всеми своими перекрытиями.

Дядюшки за ужином не было. Служанка подала Доре миску водянистого супа и выскользнула из столовой, не проронив ни слова. За весь вечер Дора не видала ни Иезекию, ни Лотти, не знала, где они и что они.

Чем заслужила Лотти быть посвященной в планы Иезекии, тогда как его родная племянница к ним не допущена? И что в том ящике? Почему Иезекия так перепугался, когда Дора этим поинтересовалась? И кто те люди, что принесли в дом груз?

Возможно, ей удастся взломать замок в подвал...

О, да зачем ей думать об этом? Ей-то что с того? Перестань, говорит себе Дора, это сведет тебя с ума!

Она пытается вспомнить в подробностях то место раскопок в Делосе. Тогда Дора была совсем маленькая – лет пять, не больше, – но она отчетливо помнит тот день, когда папенька провел много часов, расчищая древнюю мозаику. Пока он большой кистью смахивал пыль и песок, Дора сидела рядом, завороженная открывшимися изображениями: затейливые листья, бурные морские волны, треугольные ступени. Она помнит, как отец показывал ей – низкий ласковый голос до сих пор звучит у нее в ушах – повторяющиеся орнаментальные мотивы: вот розетты, а вот крученые пальметты. А это что, неужели голова быка среди листьев?

Нет, это никуда не годится. Дора со стоном вырывает лист из альбома. За последние пять минут ей только и удалось что нарисовать вьющуюся в углу страницы виноградную лозу, так что она комкает лист бумаги и швыряет на пол, где он закатывается в кучу других таких же бумажных шариков. Ни одна из ее закорючек не годится ни для колье, ни для серег, ни для какого-то другого украшения, которое стала бы носить великосветская дама.

²³ Меандр – распространенный в древнегреческом искусстве орнаментальный мотив, образуемый ломаной под прямым углом линией, пользовался популярностью у английских ювелиров XVIII века.

– Ох, Гермес, – вздыхает Дора. Сорока с тихим стрекотом спархивает к ней на колени. Девушка протягивает руку, гладит сорочью голову тыльной стороной пальцев. Птица осторожно прихватывает их клювом. – Может быть, я просто дура? Что же мне делать?

Доре известно, что сорока не может ее понять, но когда птица склоняет голову набок и черные глазки-бусинки разглядывают ее со всем вниманием, она убеждается: может! Но потом Гермес расправляет крылья и начинает самозабвенно чистить клювом перья, а Дора бессильно падает на подушки и постукивает карандашом по губам. Совершенно очевидно, что она не сможет пробудить свое воображение, сидя в четырех тесных стенах. Дора мучительно вспоминает, нет ли чего такого в магазине, что могло бы ее вдохновить. Вроде бы где-то на задах стоит шкаф, где хранятся фрагменты старой мозаики?

Две птицы...

– Давай, Гермес! – говорит она, приняв решение. Сгоняет с себя птицу и выбирается из-под груди одеял. – Пойдем займемся исследованиями!

Дора натягивает пару шерстяных носков и ныряет в старый папенькин индийский халат. Берет горящую свечку, хлопает себя по плечу. С тихим курлыканьем Гермес занимает свое место, его острые когти впиваются в стеганый шелк и проделывают в ткани новые дырки вдобавок к уже существующим. Дора отодвигает щеколду на чердачной двери и затаив дыхание испуганно ждет громкого скрипа. Но щеколда открывается беззвучно. И девушка выдыхает.

Ей предстоит преодолеть четыре лестничных пролета, а для этого надо сохранять бдительность. Она на цыпочках спускается по ступенькам, вспоминая, какая из них самая скрипучая, какая шатается и где может провалиться подгнившее дерево. Уже почти спустившись, Дора внезапно останавливается и кусает губы. Она забыла про колокольчик! Стоя на темной лестнице, девушка размышляет, как быть. Недовольный тем, что движение прекратилось, Гермес издает еле слышный клекот.

– *Isychia!*²⁴ – Дора двумя пальцами зажимает ему клюв. Свеча в металлическом блюдце-подсвечнике едва не гаснет. – Только не сейчас!

В ответ на произнесенную шепотом мольбу сорока качает головой и топорщит перья, тыча ими в ее волосы. Дора отпускает птицу и нахмурившись смотрит на дверь.

Надо попробовать.

Приложив ладонь к дереву, Дора медленно-медленно толкает тяжелую дверь вперед. Она поддается и отворяется с приглушенным скрипом. Дора морщась старается мысленно измерить расстояние между дверным косяком и колокольчиком. Совсем небольшое расстояние. Через мгновение она слышит, как дверь касается металлического язычка – с едва различимым царапающим звуком, и Дора замирает, прежде чем колокольчик успевает издать еще какой-то звук. Она рассматривает образовавшуюся щель между дверью и косяком.

Вполне достаточно, чтобы ей протиснуться.

Странно, каким чужим выглядит в темноте все знакомое.

²⁴ Тишина! (*греч.*)

Падающий за окнами снег образует на карнизах пухлые холмики. Сквозь тонкое стекло долетают приглушенные звуки веселья, царящего в соседней кофейне. Струющийся в окно свет превращает шкафы в темные силуэты, и Дора моргает в полумраке, вытягивает перед собой руку с горящей свечой в подсвечнике. Но она может различить на полках лишь поддельные фарфоровые чаши династии Шан.

Надо действовать с умом.

Шкафы, которые она ищет, должны стоять в глубине торгового зала, и Дора идет туда по памяти, мысленно благодаря Иезекию за то, что тот оставил достаточно широкий проход к задней стене.

И все же продвигаться следует очень осторожно. Пламя свечи совсем слабое, и, хотя глаза уже привыкли к темноте, высящиеся с обеих сторон шкафы и этажерки застыт проникающий с улицы свет. Дора держит перед собой вытянутую руку и про себя считает шаги:

– Énas, dýo, tría, téssera...²⁵

Кончики пальцев натываются на что-то деревянное. Она поворачивает направо.

– ...Októ, ennéa, déka²⁶.

Чем дальше она идет, тем светлее становится. На пятнадцатом шаге Дора касается прохладной побеленной стены и понимает, что это вход в подвал. Пока все правильно, думает она, как вдруг ее охватывает мимолетная тревога. А что, если там внизу Иезекия? Она напрягает слух, но ничего не слышит.

Хватит поддаваться тревожным предчувствиям, думает Дора и продолжает осторожно продвигаться в глубь магазина. Вот ее цель: небольшой приземистый шкаф на ножках в виде когтистых лап; задвинутый в самый дальний угол, он не достает Доре даже до пояса. Она вспоминает, как играла перед этим шкафом, покуда ее родители рассказывали посетителям о недавних раскопках: его филенчатые дверцы были распахнуты, и хранящиеся в нем сокровища высыпались на пол. Дора ставит свечу на потертую верхнюю панель шкафа. Гермес, сидя у нее на плече, беспокойно подсакивает.

Дора опускается на колени. Дверцы заклинило. Она опирается о стену, чтобы удержать равновесие, и сильно дергает дверцу. Пламя свечи опасно трепещет у нее над головой. Дора с опаской глядит на свечу.

Только не упади, прошу тебя, не падай!

Пламя свечи выравнивается. Гермес тревожно стрекочет. Дора выдыхает с облегчением.

Внутри шкаф оказывается не таким вместительным, как ей помнилось, и в нем уже почти не осталось свободного места: такое впечатление, что сюда бесцеремонно сволокивали все подряд. Дора аккуратно достает предмет за предметом. Помятая медная кружка, карманные солнечные часы, набор оловянных ложечек, курительная трубка... Она подносит ее поближе к глазам, щурясь, разглядывает клеймо. Рельефный рисунок – сердце. Не то. Она снова заглядывает в шкаф. Вынимает табакерку, миниатюру, изображающую старуху в пышном парике, пару одинаковых медных подсвечников. Вдруг ее пальцы нащупывают что-то маленькое, прохладное, твердое. Дора хватается за этот предмет, вытаскивает и подносит к пламени свечи.

Надо же, она совершенно забыла о его существовании.

Это необычный золотой ключ размером с ее большой палец. Его цилиндрический стержень, потускневший от времени и небрежного обращения, изукрашен красивыми филигранными узорами. Головка ключа представляет собой вращающийся выпуклый диск из гагата. На этом овальном диске – рельефное изображение. Бородатое лицо.

В памяти Доры всплывают смутные воспоминания о том, как она в детстве играла с этим ключом – зачем и почему, она уже не помнит, просто ей нравилось без конца крутить гагато-

²⁵ Один, два, три, четыре (*греч.*).

²⁶ Восемь, девять, десять (*греч.*).

вый диск. Знала ли она, какой замок им открывался? Она не помнит. Дора запускает руку в шкаф, гадая, нет ли там шкатулки, к которой подойдет этот ключ, – но она не помнит, была ли такая шкатулка, и удостоверяется, что в недрах шкафа не спрятано ничего подобного. Она снова рассматривает ключ, покусывая губы. Можно ли найти ему применение? Он красивый, этот ключ, но украшающий его рельеф не имеет ни малейшей связи с греческими мотивами, которые ее интересуют. Так что, увы, сейчас он для нее совершенно бесполезен. Пожав плечами, Дора откладывает ключ в сторону и роется в каких-то мешочках, где лежат ни к чему не пригодные лоскутки кожи и атласа.

В конце концов ею овладевает уныние. Ни мозаики, ни осколков керамики, ни монет... А ведь Дора уверена, что когда-то в магазине хранился бюст Афины с отколотым носом и отбитым пером на шлеме. Она с трудом сдерживает разочарование. Да, предметы, которые она помнит, были либо поломаны, либо находились совсем в плачевном состоянии, тем не менее в их подлинности не было сомнений. Кому они понадобились сейчас? Наверное, все давно продано.

Итак, остается единственное место, где можно продолжить ночные раскопки.

Подвал.

Дора там никогда не бывала, никогда даже не переступала порога, не говоря уж о том, чтобы ступить на подвальную лестницу. При родителях подвал считался чуть ли не храмом – а Дору сызмальства научили уважать их личное пространство. Когда родителей не стало, она была еще слишком юна, чтобы составить подробный каталог оставленных ими древних артефактов – этим потом занялся Иезекия. Дядя описал все родительское имущество, а потом заявил претензии на дом, назвав его своей собственностью и рабочим местом, и Дора никогда не чувствовала себя вправе оспаривать это... до сего дня. Потому что сейчас в подвале стоит ящик с грузом, который Иезекия не позволяет ей увидеть, так что же он там держит? И что еще он от нее скрывает?

Дора тихо складывает все предметы обратно в шкаф. Она поднимает свечу, поворачивается и возвращается тем же маршрутом.

Перед ней – большие двери подвала. Гермес на плече оцетинивает перья.

Дора смотрит на висячий замок и пытается прикинуть, легко ли его взломать. Но, как только она протягивает руку с намерением дотронуться до замка, раздается тихий плачущий звук. Рука Доры замирает в воздухе, у нее округляются глаза, и Гермес крепче вцепляется когтями в стеганую ткань папенькиного халата. Но затем раздается другой звук, более знакомый, и – отчасти с облегчением, отчасти с разочарованием – Дора опускает руку и прижимает ухо к дверям.

Оттуда доносится натужный голос Иезекии. Он что-то бормочет себе под нос, как он частенько и делает, запираясь один внизу. Дора снова смотрит на замок. Он приоткрыт у петли, и цепь обернута вокруг одной дверной ручки, а не обеих, как всегда. Ну конечно, он сейчас в подвале. Этого следовало ожидать. И Лотти тоже там, судя по звуку голоса.

Что ж. Ее ночные приключения на сегодня закончились. Дора начинает медленно подниматься по лестнице к себе на чердак. Преодолев половину пути и торопясь заглушить скрип ступеньки от неосторожно поставленной на нее ноги, Дора вдруг слышит храп из комнаты служанки, ее прежней комнаты. То есть Лотти все это время лежала в своей постели.

Насупившись, Дора продолжает подниматься по лестнице. А когда она юркает в кровать и натягивает одеяло до самого подбородка, то вдруг задумывается, отчего это дядюшка издавал звуки, неотличимые от женского плача?

Глава 10

Не открывается.

Видит бог, он старался – на что у него ушло немало часов, – но штуковина так и остается наглухо закрытой. Конечно, он мог бы ее просто разбить. Но тогда не сможет осуществиться вторая часть его плана и вся эта затея окажется пустой тратой времени. Выходит, все было зря, долгие *годы* ожидания – псу под хвост? Потерять столько денег? Нет, он даже думать об этом не хочет!

Ведь все это задумывалось как его спасение. Эта вещь должна была стать решением всех проблем.

Иезекия злобно морщит лоб. У него трясутся ноги.

Он проводит пальцем по пломбе наглухо запечатанной крышки. Должен же быть некий механизм, некий чертовски хитроумный запор, который он пока что не обнаружил. Он бессвязно бормочет, простукивает костяшками пальцев боковины, пытаясь нащупать уязвимое место на поверхности, найти способ открыть эту штуковину...

Глава 11

Невзирая на предубеждение Корнелиуса, Эдвард решает навестить заведение Блейков и по крайней мере удовлетворить собственное любопытство.

Снег шел всю ночь, превратившись к утру в дорожную слякоть. Снежное покрывало приобрело охряной цвет, оно исчерчено мокрыми колеями карет, что снуют взад и вперед по улицам. Но воздух еще колкий, точно нож, поэтому Эдвард поднимает воротник и прячет подбородок в шарф. Когда он добирается до начала Ладгейт-стрит, у него немеют пальцы.

Он без труда находит лавку – ее арочное окно торчит над мостовой – и на мгновение замирает, чтобы получше оглядеть здание. Старая побелка оконных переплетов лущится крупными хлопьями, одно из стекол треснуто. Дощатая вывеска над лавкой выцвела, а промежутки между словами не соответствуют ее размерам. Эдвард морщится. Ах, вот оно что. Слово «Иезекия» неуклюже втиснуто между боковиной доски и словом «Блейк». А под «Иезекией» проступают еле заметные очертания другого имени – «Элайджа». Седовласый джентльмен прав: магазин сегодня явно не тот, каким был раньше.

Внезапный удар в плечо едва не сбивает Эдварда с ног, и ему приходится ухватиться за карниз, чтобы не упасть.

– Прочь с дороги, ты! – рычит грубый голос, а Эдвард трет ушибленное место и оглядывается, чтобы увидеть, кто его толкнул.

– Прошу прощения... – начинает он, но тут же понимает, что обращается к движущемуся потоку людей, похожих друг на друга как две капли воды.

– Здесь надо шагать без остановки! – произносит другой голос, намного более вежливый. Эдвард разворачивается и видит молоденькую девушку, прислонившуюся к дверям магазина. – Если будете стоять неподвижно, вас просто собьют с ног!

Эдвард ошеломленно смотрит на незнакомку.

Это, должно быть, и есть Пандора Блейк... и она ничуть не похожа на тех женщин, с какими ему до сих пор доводилось встречаться. Высокая – его макушка доходит ей точно до носа, – и кожа у нее чуть бледнее тех грецких орехов, что они с Корнелиусом вчера грызли. На ней простое платье синего цвета, какие носят служанки, и – хотя он плохо разбирается в фасонах женской одежды – с виду оно несколько старомодно. Незатейливые очки обрамляют ее глаза, цвет которых трудно различить, поскольку она стоит в тени под дверным козырьком. Ее волосы темны, как патока, и собраны на темени узлом, розовая лента придерживает несколько выбившихся непокорных прядей. И странное дело: на плече у девушки сидит сорока. Птица внимательно смотрит на Эдварда черными глазками-бусинками, как будто точно знает, зачем Эдвард сюда пришел.

Он так долго глядел на девушку, что сдержанная улыбка сползла с ее губ и она начала переминаться с ноги на ногу. Сорока трещит. Эдвард вздергивает голову, чтобы обрести дар речи.

– Да-да, вы правы, конечно... – И тут он чувствует, как розовеют его щеки. – Я не хотел...

– Я могу вам помочь, сэр?

Эдвард старается взять себя в руки.

– Да! Вообще-то да, – он указывает на лавку. – Я ищу...

Но девушка кивает и входит внутрь, а Эдвард, глупо моргая, смотрит на пустое место, где она только что стояла, и помимо своей воли следует за ней.

Когда его глаза привыкают к полумраку тесного торгового зала, он видит, что девушка стоит за небольшим прилавком в заставленном разнообразными предметами углу, а к нему

прихрамывая направляется дородный мужчина в чересчур тесном жилете и протягивает для приветствия мясистую ладонь.

– Иезекия Блейк, со всем моим уважением! – произносит мужчина, тряся руку Эдварда столь энергично, что тот чувствует, как в запястье у него хрустит сухожилие. Рука у мужчины липкая, и Эдвард украдкой вытирает свою ладонь о брючину.

– О, да у вас пальцы как ледышки! Дора, будь добра, позови Лотти, предложим нашему гостю горячего бульону.

– Да что вы, сэр, в этом нет необходимости...

– Чепуха! Чепуха! – рассыпается в любезностях мистер Блейк и подводит Эдварда к двум затейливым позолоченным креслам, обитым зеленым бархатом. – Я настаиваю. Я всегда стараюсь, чтобы мои посетители чувствовали себя здесь как дома. Не возражаете, если мы присядем? – Он тычет в свою правую ногу. – Вчера случилась небольшая неприятность.

– Надеюсь, ничего серьезного?

Тренькает колокольчик, дверь позади прилавка распахивается, и через нее Пандора – нет, мистер Блейк назвал ее Дора – выходит из торгового зала.

Мистер Блейк слегка морщится, усаживаясь в кресло.

– Так, царапина, – отвечает он, поглаживая свое бедро. – До свадьбы заживет. Но пока еще больно!

– Сочувствую.

Хозяин лавки изучающе глядит на него. Эдвард изучающе глядит на хозяина лавки. Тонкий шрам перерезает одну его щеку сверху вниз – молочно-белая полоска на пухлом багровом лице.

– Итак, мистер...

– Лоуренс.

– Лоуренс. Что я могу вам предложить? – Видя нерешительность Эдварда, мистер Блейк широким взмахом руки приглашает его ознакомиться с представленным в лавке товаром. – Как видите, у нас тут множество сокровищ. Возможно, вы хотите осмотреться?

Эдвард, не желая показаться грубым, соглашается – к своему собственному удивлению.

– Отлично, отлично! Но только дождитесь, когда вернется моя племянница, прежде чем начать осмотр. Да-да, посидите здесь. Не будем суетиться.

Повисает пауза. Откуда-то издали доносится поочередное тиканье разных часов. Эдвард выдавливая улыбку.

– Вы давно занимаетесь этим делом?

– О, – равнодушно, словно об этом и говорить не стоит, произносит мистер Блейк, – много лет. – Он разглаживает обшлаг и снова повторяет: – Много лет. Это, видите ли, семейное предприятие. А вам знакома эта сфера?

Эдвард на мгновение задумывается, стоит ли ему отвечать честно, но что-то во внешности и манерах этого обходительного человека вынуждает его ради своего же блага слегка покривить душой. Поэтому он коротко отвечает:

– Нет, сэр, никоим образом.

– А! – улыбается хозяин и с заговорщицким видом наклоняется к Эдварду. В несвежем дыхании мистера Блейка улавливается кофейный аромат. – Мой дражайший покойный брат оставил мне этот магазин. И я посвятил себя тому, чтобы удерживать репутацию торгового заведения на столь же высоком уровне, как и при его жизни.

Звучит напыщенно. И не без тщеславия.

– Действительно, – невпопад говорит Эдвард, после чего оба собеседника погружаются в молчание. Настенные и напольные часы урчат в своих деревянных узилищах, а мистер Блейк все так же пристально разглядывает гостя, – он словно лиса, выискивающая слабинку у будущей добычи. Когда наконец возвращается мисс Блейк, Эдвард уже почти готов вскочить и дать деру.

Мисс Блейк бросает на него взгляд и сразу же отводит его, как будто в чем-то провинилась. Она протягивает Эдварду небольшую чашку, и он берет ее обеими руками. Горячий фарфор тут же согревает пальцы, и кровь приятно растекается по жилам.

– Благодарю вас.

Мисс Блейк кивает. Сорока у нее на плече тихо трещит.

– Дора... – В голосе мистера Блейка слышатся нотки усталости, он смотрит на Эдварда с показной робостью. – Неужели так обязательно приносить в лавку эту грязную птицу? Ты же знаешь, я этого не люблю.

Эдвард видит, что лицо мисс Блейк слегка передергивается, и понимает, что она это прекрасно знает. Он дует на дымящийся бульон.

– От него никакого вреда, дядя. Но... – продолжает она, видя, что мистер Блейк собирается ей возразить, – но, если хотите, я его посажу куда-нибудь от греха подальше.

– Что ж... – Он силится улыбнуться, и Дора сажает птицу на высокий книжный шкаф позади прилавка, где сорока сразу же принимается чистить перья. Мистер Блейк с отвращением смотрит на птицу. – Ну, раз она сидит там, я, наверное, смогу к ней относиться как к чучелу птицы. Может быть, я даже смогу ее продать! Мистер Лоуренс, а что, если я уговорю вас ее купить? – И мистер Блейк смеется от всей души своей неуместной шутке – его громкий и бесцеремонный смех заставляет Эдварда беспокойно ерзать в кресле. Мисс Блейк прищуривается. А Эдвард отпивает бульон из чашки.

Густой, наваристый. Пересолен.

Когда смех утихает, хозяин вновь обращает пристальное внимание на Эдварда. Наблюдает, как тот облизывает жирные после бульона губы.

– Ну что, получше стало?

– Намного, сэ, – лжет он.

– Что ж, мистер Лоуренс, оставляю вас с вашим бульоном, а потом походите тут, посмотрите. – Хозяин приставляет палец к носу, и его воспаленные глаза превращаются в щелочки, когда он добродушно, по собственному мнению, улыбается, но Эдварду его улыбка кажется чуть ли не хищной. – Я буду внимательно наблюдать за вами, сэ, и в любой момент смогу предложить свою помощь.

Он встает, идет к прилавку, припадая на здоровую ногу. Эдвард допивает бульон – на дне чашки он уже начал превращаться в желе, – стараясь не следить за мисс Блейк, которая, согнувшись, что-то рисует карандашом на листке бумаги, и не замечать, как она демонстративно прячет листок от дяди, буквально нависающего над ее плечом. Вместо этого Эдвард обращает внимание на шкафы, высящиеся до потолка, испещренного влажными пятнами. Он ставит чашку на пыльный пол и встает с кресла.

Помня слова седовласого джентльмена в кофейне, Эдвард и не надеялся найти здесь что-то стоящее. И тем не менее он явно не был готов к тому, что он видит. Эдвард – не зеленый юнец, детство, проведенное в Сэндбурне, несмотря на отсутствие формального обучения, уже в довольно нежном возрасте научило его отличать подлинные древности от фальшивых. А самообразование, за которое стоит поблагодарить семейство Эшмолов, привило ему зоркость коллекционера, так что теперь он может без малейшей тени сомнения сказать, что ни один артефакт в «Эмпориуме экзотических древностей» Иезекии Блейка никоим образом не является подлинным.

В первом застекленном шкафу на полках выставлен восточный фарфор и керамика. Эдвард разглядывает одно блюдо, замечает японские цветы сакуры и китайских драконов, которые никогда бы не встретились в одном орнаменте, будь оно настоящим. Или вот небольшая керамическая чаша. Он берет ее, вертит в руке. Подделка под династию Мин, но маркировка эпохи явно сделана кем-то, кто мало или плохо знаком с китайской каллиграфией.

Например, иероглиф dā²⁷. Он изображает прямо стоящего человека с руками и ногами, но нога не может начинаться над рукой, как здесь.

Корнелиус специализировался в ориентальном искусстве, вот уж кто побелел бы от негодования. Краешком глаза он замечает, что мистер Блейк уже идет к нему, и торопливо ставит чашу на место.

Мистер Блейк снова возвращается за прилавок.

Эдвард идет дальше.

В следующем шкафу беспорядочно громоздятся металлические побрякушки и стеклянная утварь, которой самое место в корзине бродячего торговца, предлагающего всякое барахло у ворот Ньюгейтской тюрьмы. Эдвард читает небольшую табличку: «Редкие древности начала XVI века» – и с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться.

Он переходит к ряду шкафов у противоположной стены, медленно шагает взад и вперед, изучая хлам, заполонивший полки. Корнелиус при виде всей этой дряни уж точно не смог бы унять гнев. Более того, он бы и не старался. Ежели Общество когда-нибудь сподобится заказать доклад о подделках в торговле антиквариатом, ехидно размышляет Эдвард, все, что от него потребуется, так это провести здесь один день – и он в мгновение ока будет принят в ряды счастливых. Напоследок Эдвард останавливается у витрины с мужскими безделушками. Он наклоняется, чтобы разглядеть грубоватого вида булавку для галстука, лежащую в центре на обитой шелком дощечке.

Явно не в силах более совладать со своим нетерпением, мистер Блейк коршуном набрасывается на него.

– А, вот истинная красота! Жемчуг в медной оправе! – он стремительно выхватывает булавку из шкафа и заставляет Эдварда рассмотреть ее вблизи. – Вещица эпохи Стюартов, если не ошибаюсь. – И мистер Блейк благоговейно передает булавку Эдварду, словно это чаша для святого причастия. – Десять шиллингов – только для вас.

Эдвард вертит булавку в пальцах, ощущает ее увесистость, гладит неровную поверхность жемчуга. Недавнее изделие, на работу ушло меньше часа.

– Не думаю, – говорит Эдвард и уже собирается отвернуться, как вдруг мистер Блейк кладет тяжелую руку ему на плечо и стискивает.

– Жемчуг сейчас особенно моден. Я слышал, сам принц обожает жемчуг. Прошу вас, сэръ, хорошенько подумайте. Скажем, восемь шиллингов?

Эдвард пытается не подать виду, как ему неприятна эта крепкая хватка. На мгновение он мысленно оказывается в темной комнате, вспоминает жестокую и властную руку другого человека и с усилием отгоняет прочь мучительное воспоминание.

– Это же не... – начинает он, но мистер Блейк укоризненно грозит ему пальцем.

– Сами понимаете, мне надо оплачивать счета, – произносит хозяин глумливо-игривым тоном. – Я не могу продать эту миленькую штучку меньше чем за пять шиллингов. А иначе это просто грабеж, сэръ!

Эдвард отлично знает, что перед ним никакой не жемчуг, а в лучшем случае глазированное стекло и что сама булавка не стоит даже десятой части той суммы, которую запрашивает за нее мистер Блейк, но его вдруг отвлекают непрошенные воспоминания. Он раздумывает слишком долго, а потому вскоре оказывается у прилавка и расстается со своим дневным заработком: мистер Блейк пересчитывает монеты на ладони, а его племянница бережно заворачивает булавку для галстука в тряпицу – Эдвард понятия не имеет, как все это случилось.

– Послушайте! – вдруг восклицает мистер Блейк. Он пялится на запястья Эдварда. – Какие у вас изумительные запонки! Позвольте спросить, где вы их купили?

²⁷ Большой (*кит.*).

Тонкие руки мисс Блейк застывают в воздухе. Эдвард украдкой бросает внимательный взгляд на ее лицо, но оно бесстрастно и непроницаемо, как фарфор.

– Я... – Эдвард запинаясь и смотрит на новенькие золотые кружочки с изумрудами в центре. – Это подарок. Полагаю, их купили у ювелира в Сохо.

– А вы, случаем, не знаете, у кого именно?

Еле заметно качая головой, мисс Блейк продолжает заворачивать его покупку. Эдвард пожимает плечами.

– Должно быть, у Ромилли. – Это любимая ювелирная лавка Корнелиуса.

Мистер Блейк кривит верхнюю губу. Несмотря на прохладный воздух в торговом зале, кожа у него под носом покрывается пленкой испарины.

– Благодарю вас, мистер Лоуренс, – произносит мистер Блейк. Он складывает в карман шиллинги Эдварда и одаривает его улыбкой, обнажая ряд зубов, похожих на надгробия. – Я у вас в долгу. – И обращается к племяннице: – Ты же не будешь возражать, дорогая, если я попрошу тебя присмотреть за лавкой?

Не дожидаясь ее ответа, он просовывает пухлые руки в рукава пальто.

– Мистер Лоуренс, составите мне компанию?

Эдвард откашливается, с натугой улыбается. Нет, теперь его силком не вытащишь из этой лавки. Ему надо побеседовать с Пандорой Блейк наедине.

– Боюсь, что не смогу.

– Жаль. Ну да ладно. – Он опять протягивает Эдварду руку, и тот пожимает ее, скрывая отвращение, потому как пухлая ладонь стала еще более липкой – хотя казалось, дальше некуда. – Приятно иметь с вами дело, сэр!

– Взаимно.

Но ответ Эдварда летит в пустоту, потому что мистер Блейк уже спешно выходит, прихрамывая, за порог, и фалды пальто взметаются в воздух. Он не захлопывает за собой дверь, и мисс Блейк со вздохом выходит из-за прилавка и плотно ее затворяет. Обернувшись, она сцепляет пальцы – нервно, подмечает Эдвард, – и натянуто ему улыбается.

– Прошу прощения, мистер Лоуренс.

– За что?

Она занимает привычное место за прилавком.

– Боюсь, вас одурачили, точно так же, как и всех, кто переступает наш порог. – Мисс Блейк вручает ему аккуратно завернутую булавку для галстука, Эдвард берет сверточек и держит его перед собой.

– Мне это известно.

Она кивает.

– Так я и думала. Вы очень внимательно все тут осматривали.

– Да. – Больше мисс Блейк ничего не говорит, и тогда Эдвард спрашивает: – Но зачем вы утруждаете себя, говоря мне об этом? Вам же нужно извлечь выгоду – разве вы не совладелица этого магазина?

Тень мелькает в ее глазах – они, как Эдвард теперь отчетливо видит, цвета сдобренной специями карамели, – и у него внутри что-то обрывается.

– Сама не знаю, почему я вам это сказала. Из-за чувства вины, наверное. И нет, магазин мне не принадлежит.

Раздается птичий клекот, и оба чуть не подпрыгивают от неожиданности. Эдвард уж и позабыл о сороке, сидящей высоко на книжном шкафу. Мисс Блейк вытягивает руку, произнеся шепотом два слова: *Éla edó*²⁸ – наверное, греческие, думает он, – и, шурша переливчатыми крыльями, птица спархивает со шкафа к ней на ладонь. С легкой улыбкой мисс Блейк

²⁸ Иди сюда (греч.).

аккуратно сажает сороку себе на плечо, откуда та смотрит на Эдварда тем же самым взглядом, каким смотрела на него на улице.

Эдвард крепче сжимает сверток. Он кашляет, старается не замечать пытливого взгляда птицы.

– Должен вам признаться, мисс Блейк.

– В чем?

– Я пришел сюда, чтобы встретиться с вами.

Пальцы, треплющие белую грудку сороки, замирают.

– Со мной?

В глазах девушки замешательство, и Эдвард поднимает руку, желая ее успокоить.

Сорока тотчас срывается с места и клюет его в ладонь.

Тишину нарушают шумное хлопанье крыльев и резкий прерывистый клетот. Сверток с булавкой для галстука падает на пол. Эдвард невольно вскрикивает, мисс Блейк ахает и обхватывает обеими руками обеспокоенную птицу.

– Гермес, не надо! Прекрати!

Эдвард отступает к затейливому позолоченному креслу. Походя он сшибает пустую чашку из-под бульона, которая катится по полу. Посасывает место укуса между большим и указательным пальцами, ощущает языком теплый металлический привкус крови.

– О, мистер Лоуренс! Простите великодушно! – мисс Блейк подсакивает к нему с лоскутами оберточной ткани. Эдвард опасно глядит вверх и видит, что сорока снова восседает на книжном шкафу. Мисс Блейк садится в другое кресло и, не задавая вопросов, берет его руку. Прикосновение нежное, но при этом решительное. Мисс Блейк осматривает ранку, склонив темноволосую головку над его ладонью, и, хотя ранка ощутимо болит, Эдварда больше интересуют завитки волос на девичьей макушке и тяжелая блестящая коса.

– Да это просто царапина, – бормочет он.

– Не просто, – возражает мисс Блейк, отодвигаясь в сторону, чтобы он смог сам все разглядеть.

«Царапина» напоминает скорее треугольную дырку, и Эдвард удивленно моргает, глядя на нее. Птица и впрямь выдрала кусочек кожи.

Мисс Блейк вздыхает и плотно прикладывает к коже лоскут ткани.

– Не больно? – спрашивает она, и Эдвард отрицательно мотает головой, потому как, странное дело, место укуса болит не больше чем обычная царапина. Мисс Блейк тоже качает головой: – Заболит, через час или два. Поверьте, я знаю. – Она поворачивает руку, не выпуская его ладонь. На запястье у нее виднеется небольшой шрам в форме полумесяца. – Я совершила ошибку: стала чистить его клетку, а он сидел внутри, – тут мисс Блейк сдержанно улыбается. – Гермес отлично умеет защищаться. Если кто-то, как ему кажется, посягает на то, что принадлежит ему, он будет решительно это оберегать.

Она разжимает руку и снова осматривает ранку.

– Я сейчас сделаю перевязку, чтобы кровотечение не усилилось.

Эдвард наблюдает, как мисс Блейк туго перевязывает ему ладонь полоской ткани.

– Так странно, – говорит он, – что вас защищает птица.

– Ничего странного.

Мисс Блейк завязывает тряпицу узлом и отпускает его руку. На мгновение он ощущает себя лишенным чего-то важного.

– Я нашла его на крыше перед окном моей спальни года четыре назад. Наверное, выпал из гнезда. Поначалу я его там оставила, полагая, что родители за ним прилетят, но они не прилетели, а я не смогла оставить беспомощного птенца на произвол судьбы. Я внесла его в комнату, стала его выхаживать. Сороки очень умные птицы. Они помнят, кто проявил к ним доброту.

Некоторое время они оба смотрят на птицу, которая теперь стоит на одной ноге и чистит когти на другой. Потом мисс Блейк снова оборачивается к Эдварду:

– Итак, сэр, что же вы хотели со мной обсудить?

Глава 12

Дора выслушала просьбу мистера Лоуренса – ибо это была, вне всякого сомнения, просьба – молча и не без сочувствия. Этот бледный светловолосый мужчина смотрит теперь на нее с трепетом, ожидая ответа, и душой Дора с ним: она ведь прекрасно знает, каково это – стремиться к чему-то и спотыкаться на каждом шагу, потому-то и произносит с печалью:

– Я ничем не могу вам помочь!

Мистер Лоуренс изменяется в лице:

– Не можете?

Дора встает и с явным отвращением обводит рукой торговый зал.

– Поглядите сами, сэръ, где мы находимся! Полюбуйтесь, – и тут она указывает на все еще валяющийся под ногами сверток с булавкой для галстука, – на эту финтифлюшку, за которую вы отдали заработанные тяжким трудом деньги. Вы не хуже меня знаете, что этот магазин торгует подделками и дешевыми безделушками.

Мистер Лоуренс смотрит на нее, все так же сидя в кресле.

– Этого я отрицать не могу. Но я уверен, что у вас тут хранится нечто, что сослужит мне добрую службу. В противном случае мне бы не рекомендовали к вам обратиться.

– Рекомендовали?

– Мне посоветовали прийти сюда. Поговорить с вами.

– Кто?

– Один джентльмен, которого я встретил в кофейне. Похоже, он о вас знает...

– Ну, – пожимает плечами Дора, – мои родители были весьма известны. Такую репутацию, как у них, мог заслужить в нашем деле не каждый. Но вот уже много лет, как «Эмпориум Блейка» не торгует предметами, представляющими историческую ценность, и мы совершенно точно не продаем средиземноморских экспонатов. Все, что было найдено моими родителями, пропало. – Дора зажмуривается, переживая горькую боль утраты, охватившую ее с новой силой. Открыв глаза, она видит мистера Лоуренса сквозь облачко черных пятнышек. – Я тоже мечтала найти здесь ценности. Вот только вчера вечером пыталась разыскать что-то из старых папенькиных вещей, но меня ждало жестокое разочарование.

– И с какой целью вы хотели их найти?

Дора колеблется.

– Пообещайте, что не станете меня презирать.

Мистер Лоуренс поднимается с кресла.

– Мисс Блейк, как я могу! Да я бы никогда не посмел – после того как вы выслушали историю моих бедствий.

Гермес, сидящий на шкафу, стрекочет. Дора вздыхает и трет лоб до тех пор, пока черные пятнышки перед глазами не исчезают.

– Я придумываю ювелирные украшения. То есть я надеюсь стать ювелирных дел мастером. – Она замолкает и бросает на Эдварда взгляд, угадав заранее, что встретит его открытое лицо и честные глаза. – В последние несколько месяцев я собирала альбом из моих образцов, думала, что когда-нибудь смогу открыть собственную мастерскую. Но ювелир, которому я показала свои работы, отверг их на том основании, что, мол, сейчас в моде греческий стиль. И я подумала...

– Вы подумали, что сможете использовать находки ваших родителей как источник вдохновения.

– Да! – Дора разводит руками. – Но, сколько я ни искала, не смогла найти ровным счетом ничего.

Мистер Лоуренс делает шаг вперед.

– То есть здесь и впрямь не на что рассчитывать? Совсем? А я был уверен...

– Ваш джентльмен, должно быть, ошибся. Как я и сказала, мистер Лоуренс, вы можете сами убедиться, чем мы тут торгуем, какие это грошовые поделки. – Она приходит в волнение. – Вы же видели, что за фрукт мой дядюшка... Так что у меня в запасе осталась последняя карта.

– Какая?

Прямой вопрос заставляет Дору запнуться. Она смотрит на мистера Лоуренса, видит на его чисто выбритом лице выражение серьезной сосредоточенности. Признаться ему? Стоит ли? Он не выглядит бесчестным человеком. Нет, скорее, Дора угадывает в нем родственную душу, единомышленника-мечтателя – потому-то ей и захотелось сказать мистеру Лоуренсу, что Иезекия его облапошил, – и Дора, позабыв о всякой предосторожности, указывает на вход в подвал.

– За этими дверями – дядюшкина мастерская. Я не знаю, что он там прячет, но теперь подозреваю, что это вовсе не то, о чем я думала прежде. Там хранится что-то ценное.

– А если нет?

Гермес беспокойно стрекочет.

– Тогда мне придется еще раз хорошенько обо всем подумать.

Мистер Лоуренс бросает взгляд на вход в подвал.

– Двери заперты, – говорит он, замечая висячий замок. – У вас есть ключ?

– Нет. Единственный ключ у дяди. Но у меня есть план.

– План?

Дора поведала ему слишком много. И о чем она только думает, посвящая в свою тайну человека, с которым знакома меньше часа?

– Мистер Лоуренс, – продолжает Дора стальным голосом. – Вы и так отняли у меня массу времени. А я очень занята.

Он часто моргает. Не от смены ее интонации, нет, Дора это понимает, но от ее неприкрытой лжи. Она наблюдает, как мистер Лоуренс озирается вокруг: в лавке пусто, слой пыли покрывает все полки. Дора краснеет.

– Прошу вас, сэр. Вам лучше уйти. Мой дядя может...

Мистер Лоуренс молча глядит на нее. И при виде разочарования в его глазах у нее екает сердце.

– Хорошо, – наконец говорит он. – Я сделаю, как вы просите. Но... – тут он сует руку в жилетный кармашек, выуживает небольшую прямоугольную карточку и передает Доре. Она читает:

ПЕРЕПЛЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ ЭШМОЛА

дом 6 по Рассел-стрит

рядом с Ковент-Гарденским рынком

Адрес обрамлен красивым филигранным узором, в который вплетены изящные изображения книг. Некогда «Эмпориум Блейка» заказывал подобные визитные карточки.

– Если вы что-то найдете, – продолжает мистер Лоуренс, – если сочтете, что сможете мне помочь, я прошу вас меня разыскать. Я найду способ отблагодарить вас за ваши труды. Должно же быть хоть что-то, в чем я смогу оказать вам содействие.

– Очень сомневаюсь, мистер Лоуренс.

Он отвечает беглой улыбкой:

– Что есть сомнение, как не факт, который пока что не получил подтверждения?

На это Доре нечего возразить. Она сжимает карточку в ладони так, что картонные края впиваются ей в кожу. Их глаза встречаются. Затем мистер Лоуренс поднимает с пола упакован-

ную булавку для галстука и выходит на оживленную улицу – вслед ему колокольчик бренчит на прощание.

Вечером того же дня – пока Иезекия щеголяет новенькими запонками, точь-в-точь такими же, как у мистера Лоуренса, разве что камни в них не зеленые, а синие, – Дора как бы невзначай расставляет свою западню. Для осуществления плана требуется только джин да двое людей, готовых пасть жертвой своей страсти к выпивке.

За ужином Дора наблюдает за дядей из-под густых ресниц. О ящике он и словом не обмолвился, делал вид, будто ничего не случилось, и все пытался задобрить племянницу неуклюжими комплиментами, которые ее лишь сильнее злили.

– Какие милые узоры, – прошептал он ей на ухо днем, когда мистер Лоуренс разглядывал фальшивки в шкафах, а она рисовала в альбоме веточки лавра. – У тебя и правда материн талант к рисованию.

Иезекия понимает, что ящик ее заинтересовал. А она это понимает по изучающему взгляду, каким он на нее смотрит, когда думает, что она этого не замечает. Он так и стреляет глазами и облизывает губы кончиком языка. Дора прямо-таки ощущает недоумение Иезекии – почему же она ничего не спрашивает о ящике? – когда он осторожно, как кот, ходит вокруг нее, но Дора не намерена играть с ним в кошки-мышки. Слишком уж часто за все эти годы она задавала ему вопросы, а в ответ получала лишь уклончивые или откровенно лживые ответы. Зачем торговать подделками, если ее родители этим никогда не занимались? Откуда ему известно, как их изготавливать? Почему бы не тратить доходы от торговли на ремонт магазина, вместо того чтобы покупать себе все эти блестящие безделушки? Ни одного прямого ответа. Нет, Доре придется найти истину другим способом.

Решение пришло легко.

Один из ее ранних эскизов, для броши, предполагал двойной узор. Первый орнамент Дора довольно грубо вырезала из дерева, но запала на второй узор не хватило, и вместо этого она отлила дубликат из воска. Так же Дора решает поступить и теперь. Все, что ей надо, – это ключ, висящий на цепочке на шее Иезекии.

Увы, добраться до ключа будет непросто, даже прибегнув к помощи джина...

Иезекия тяжело ворочается на стуле и задевает локтем тарелку. Дора наблюдает, как он вытягивает ногу из-под стола и поглаживает мясистое бедро.

– Болит, дядюшка?

– Конечно болит! – бросает он. Его лоб покрывается испариной, парик съезжает набок. – Никак не утихает.

– Но это же была просто царапина? – с деланой невозмутимостью произносит Дора. – Вам нужно отдохнуть. Это поможет.

Иезекия издает короткий смешок и рявкает с возмущением:

– Какой там отдых! Дора, я не могу отдыхать!

В его голосе слышатся нотки досады. Повисает короткая пауза, и Дора принимает решение. Она отодвигает недосоленного перепела (очередная попытка Лотти приготовить кулинарный шедевр обернулась полным провалом) и встает из-за стола. С превеликим усилием она заставляет себя подойти к Иезекии и присесть на стул рядом. Дядюшка удивленно глядит на нее. Она кладет на стол руку поближе к его руке, играя роль почтительной заботливой племянницы.

– Конечно, можете! – тихим, умиротворяющим голосом произносит Дора. – Вам необходимо отдохнуть, дядюшка. Полежите в кровати день-другой. Разве вы тут не хозяин? А я присмотрю за магазином. Я ведь и так это делаю частенько.

Глаза Иезекии слезятся в свете свечей. Он колеблется, явно собираясь сообщить нечто важное, но вместо этого снова ерзает на стуле, кладет на ее руку свою пухлую ладонь и неуклюже похлопывает. Дора с трудом заставляя себя не отдергивать руку.

– Я вот что думаю, – заботливо говорит она, – вам бы надо выпить немного джину. Это поможет. У нас ведь есть джин?

Есть, есть, она проверяла, пока Лотти ходила в кофейную лавку по соседству. Три бутылки припрятаны за мешком крупы в кладовке.

– Какая замечательная идея! Позвони-ка в колокольчик!

Доре не стоит уж слишком спешить, чтобы не вызвать подозрений.

Иезекия недолго сопротивлялся воздействию можжевелевой настойки, поскольку Лотти, которая по его настоянию составила ему компанию, тем самым ускорила процесс. Служанка то и дело подливала хозяину джина, тогда как Доре оставалось только ждать.

– Ну что, боль отступила, дядюшка?

Дора говорит тихим голосом, в котором звучит невинная забота. Она сидит к дяде так близко, что может отчетливо наблюдать паутинку красных сосудов, разукрасивших его нос.

– Да, – отвечает Иезекия. – Хотя я уверен, мне стало бы еще лучше, если бы Лотти полечила мне ногу, как она умеет... Целительные прикосновения!

Лотти, чьи глаза уже начинают слипаться, дергается при этих словах, кладет одетую в чулок ногу на бедро Иезекии и принимается слегка почесывать его пальцами. Иезекия блаженно вздыхает. Потом, скосив пьяные глаза, служанка бросает на Дору подозрительный взгляд.

– А что это вы тут сидите, мисси?

– Почему же я не могу тут сидеть? – парирует Дора, сжимая крепче ножку своего бокала. – Я его племянница. У меня больше прав сидеть за этим столом, чем у вас, между прочим!

Лотти выглядит потрясенной, уязвленной, даже обиженной, и Дора чувствует укол совести за не свойственную себе зловредность. Но затем служанка сжимает губы, в ее глазах вспыхивают искорки презрения, и чувство вины, на миг посетившее душу Доры, исчезает так же стремительно, как возникло.

– Ладно-ладно, Дора, – мямлит раскрасневшийся Иезекия без обычной своей раздражительности. – Незачем разговаривать в таком тоне. И ты тоже хороша, Лотти. Мы что, не можем пропустить по стаканчику вместе, в мире и спокойствии?

Лотти обиженно надувает губы.

– Я просто хочу знать, что у нее на уме, – медленно произносит служанка. – Раньше она никогда с нами не выпивала. Почему сейчас?

Дора вздергивает брови.

– Может быть, мне тоже захотелось попробовать?

– Да, но вы ж почти не пьете.

– А как я могу пить, если почти ничего не осталось?

На это Лотти ничего не говорит и нетвердой рукой наливает себе еще бокальчик. Дора смотрит на бутылку. Треть выпита. Сколько же ей еще ждать? Она старается скрыть разочарование, поднимая бокал, чтобы Лотти долила ей джина.

– Разве нельзя изменить своим привычкам и побыть немного с родным дядей?

Лотти фыркает, но наполняет бокал Доры. Джин переливается через край и орошает ее пальцы.

– Вы не изменяете своим привычкам, Пандора Блейк. Вы такая же заносчивая, как ваша мать!

– Вам-то откуда это знать?

– Замолчите, вы обе! – заплетающимся языком прикрикивает Иезекия и примирительно поднимает руку. Он нащупывает свой пустой бокал и подталкивает его служанке. Лотти наполняет бокал до краев, Иезекия залпом его осушает и тут же требует налить ему снова.

При упоминании маменьки Дора ощущает в груди знакомый болезненный укол. Дора вообще-то не пьет – ей еще ни разу не представлялась такая возможность – и после единственного глотка джина сразу ощущает его воздействие. Исполнившись дерзкой отваги, девушка выпаливает:

– Какой она была, моя мать?

Иезекия сонно моргает.

– Разве ты сама не помнишь?

Дора задумывается. Столько лет прошло! Ей было всего восемь, когда умерли родители, и теперь, в двадцать один год, у нее остались только обрывочные детские воспоминания, как кусочки отражения в разбитом вдребезги зеркале. Она помнит прежнюю жизнь в Лондоне – деловые собрания папеньки под Рождество, еженедельные визиты вместе с маменькой к мистеру Клементсу, которые так много для нее значили. А потом Греция – она помнит, как каждое утро учила греческий алфавит, и цифры помнит, и то, как каждый вечер перед сном маменька рассказывала ей истории и легенды из любимой ею греческой мифологии. Она помнит, как, стоя на вершине горы, всматривалась в усеянное звездами ночное небо и как родители учили ее различать там созвездия Ориона, Центавра и Лиры, Большую и Малую Медведицу.

Дора сглатывает комок в горле. Она помнит место раскопок в тот злосчастный день, мужчину, который вытащил ее из-под завалов, а позже отдал ей маменькину камю, всю в песке и глине. Это крупные осколки зеркала. А те отражения, что поменьше... они более зыбкие, их труднее разглядеть. Она помнит вечерние пикники на природе, смех родителей, когда они шли, держась за руки, по выжженным солнцем равнинам. Она помнит брошь-камю, а из недавних предметов – ключ. Она силится представить лицо папеньки и не может, а вот лицо маменьки помнится отчетливо: оливковая кожа, смеющиеся глаза, быстрая, легкая улыбка. И пахла она, думает Дора, флердоранжем.

– Кое-что я помню, – тихо произносит она. – Но ведь я ее знала только как свою мать, не как человека. Не как друга, каким она бы мне когда-нибудь стала.

Ее голос срывается. Лотти злобно пыхтит в свой бокал.

Иезекия издает протяжный сонный выдох.

– Твоя мать была самая привлекательная женщина из всех, кого я знал. Утонченная. Разносторонне одаренная. Она умела рисовать, умела петь. Но при этом без колебаний облачалась в мужские бриджи и копалась в грязи, хотя ей бы больше подошло...

Дядюшка осекается, умолкает. Он долго разглядывает большую карту на стене, и Дора гадает, какие воспоминания роятся у него в голове. Но тут Лотти откашливается, развязывает верхние карманы на своем корсаже и начинает обмахивать себя упавшим париком Иезекии. Дядюшкино внимание тотчас переключается на пухлые сливочные груди, дразняще приподнятые над краем лифа.

– Зачем думать о ней, когда я рядом, – мурлычет Лотти и вновь почесывает пальцами ног ушибленное бедро Иезекии.

Взаимоотношения между Лотти Норрис и дядюшкой никогда не были тайной. Дора очень быстро поняла, где ее нашел Иезекия, – Лотти не прожила у них в доме и недели, как стало ясно, что никакая она не кухарка и не горничная. Этим навыкам она обучалась, уже поселившись в их доме. Нет, Дора, конечно же, догадывалась, что за профессия была у Лотти до того, как она здесь появилась, но прежде у нее не было никаких тому доказательств. А сейчас, состроив гримасу, она отворачивается. Сидя почти вплотную к Иезекии, она слышит, как дыхание дядюшки судорожно прерывается. Краешком глаза видит, как Лотти приподнимает подол юбки. Иезекия тянет к ней руки, и Лотти, хихикая, залезает к нему на колени.

– Ох какой вы горячий! – шепчет она ему на ухо, шаловливо дергая пальцами за галстук. Потом Лотти оборачивается к столу, хватая бутылку джина и наполняет два бокала доверху.

Дора опять смотрит на бутылку. Уполовинена. Она осторожно отодвигается от стола вместе со стулом. Увлеченная пара этого не замечает. Лотти наклоняет бокал и дает джину пролиться себе на грудь. Иезекия губами приникает к ней. Служанка хохочет.

Если вести себя тихо, думает Дора, они забудут, что я рядом.

Ее внимание привлекает высокий узкий шкаф в углу столовой. За стеклянной дверцей стоит небольшой глобус. Иезекия принес его с собой вместе с картой мира, когда переехал в этот дом, и поначалу поставил на восьмиугольный столик в передней. Дора была тогда зачарована охряной, пористой на вид поверхностью глобуса, и тонкой прорисовкой материков, и тем, как четко моря отделялись от суши. Бывало, она раскручивала его с огромной скоростью вокруг оси, пока Иезекия как-то не застиг ее за этим занятием и не запретил впредь до него дотрагиваться. Вот тогда-то глобус и отправился в шкаф, на безопасное расстояние от ее «шаловливых рук».

Раздается вздох, стон. Дора зажмуривается, стараясь отвлечься, прислушивается к своему дыханию, считает обратно от ста до одного. Наконец, когда она понимает, что больше не выдержит, раздается глухой удар пустого стакана, упавшего на ковер. Дора открывает глаза. Иезекия вконец размяк и начал сползать со стула. Лотти дремлет, положив голову ему на грудь. Иезекия неверной рукой поднимает бокал.

– Вы не утомились, дядюшка? – тихо интересуется Дора. Он что-то бурчит, поворачивает голову в ее сторону и какое-то время глазеет на нее так, словно не понимает, кто это.

– С тобой всегда так трудно...

Его дыхание взъерошивает локоны Лотти.

– Трудно?

Он облизывает губы.

– Почему ты никогда меня не слушаешь? Тебе только и надо что слушать... – Тут Иезекия утыкается подбородком себе в грудь, и, к облегчению Доры, начинает храпеть.

Ну, наконец. Все готово.

Дора пошатываясь встает со стула. Она нетвердо стоит на ногах и, подавляя волну тошноты, вызванную только что увиденным, хватая почти опустошенную бутылку джина и осушает ее в четыре глотка.

У нее слезятся глаза. Она кашляет в кулак.

А теперь – за работу.

Дора смотрит на голову Лотти, покоящуюся на груди Иезекии, и думает, насколько низко свисает под рубашкой цепочка с ключом и, если она начнет ее вытягивать наружу, не разбудит ли это служанку? Спасибо Лотти – узел галстука распущен, поэтому Дора, жутко конфузясь, просовывает пальцы между шелком и потной кожей дядюшки. Ей приходится дотрагиваться до мясистых складок на его жирной шее, а наткнувшись на жесткие завитки волос, она зажмуривается от отвращения. Иезекия, не приходя в себя, поворачивает к ней лицо, и в какой-то

мучительный момент Дора решает, что попалась, но потом снова продолжает шарить все ниже, пока ее ногти не натыкаются на твердые звенья цепочки. И она начинает тянуть цепочку вверх.

Цепочка движется медленно, но движется, и царапанье ее звеньев о волосатую кожу кажется Доре слишком громким. Лотти шевелится во сне и замирает. Уже полностью вытящив цепочку, Дора начинает мучительный процесс по передвижению ее вокруг дядиной шеи, пока не зажимает в кулаке ключ. Это совсем простой ключ: небольшой, медный, покрытый от соприкосновения с потной грудью Иезекии пятнистой пленкой грязи. Дора аккуратно вешает цепочку на спинку стула, она раскачивается медленно и мерно, словно маятник.

Теперь Дора достает из кармана небольшую трутницу. Одну за другой вынимает свечи из подсвечников-блюдец и наливает расплавленный воск в эту самодельную литейную форму, пока воск не наберется достаточно, чтобы сделать оттиск. Дора кусает губу. Воск уже начал охлаждаться и затвердевать. Ей надо поторопиться.

Очень осторожно она вдавливают ключ в воск и считает про себя до двадцати. Когда она разнимает форму, ключ со стуком вываливается наружу.

Дора засовывает ключ под рубашку Иезекии и аккуратно расправляет галстук на его груди. Она прижимает к себе трутницу и тихонько, едва дыша, выскользывает из комнаты. Все время, что она поднимается по лестнице, ее преследует двойной храп Иезекии и Лотти.

Глава 13

Уже смеркается, когда Дора наконец выходит из магазина. Хотя, признается она себе, это была ее оплошность – Иезекия и Лотти очнулись от алкогольного забытья только после того, как церковные колокола пробили полдень, и нетерпение, точившее ее все эти долгие часы, превратило ожидание чуть ли не в пытку. Она обслужила троих покупателей, вытерла пыль с книжных полок, подмела пол и переставила вещи в шкаф с фальшивыми редкостями. Раз или два она подходила к подвальным дверям, брала в руку висячий замок и бесцельно дергала его цепь. Когда спустя почти три часа Иезекия, прихрамывая, в одетом набекрень парике, вошел в торговый зал, Дора опрометью помчалась к входной двери, бросая наспех придуманные извинения. Ей придется шагать целые две мили до Пиккадилли, где расположена слесарная мастерская «Брама и Ко», но нетерпение лишь подгоняет ее. Еще один из старых знакомцев родителей, Джозеф Брама²⁹ когда-то установил в подвале несгораемый шкаф собственной конструкции. Дора смутно припоминает сценку: мастер и родители сидят за столом, на котором разбросаны листы бумаги с нарисованными схемами и цифрами, – а еще, как она удивилась, когда после очередного еженедельного визита с маменькой к мистеру Клементсу увидела готовый ящик с секретным замком. Его торжественно пронесли через торговый зал, и было совершенно непонятно, чем такая невзрачная штука заслужила столько суеты.

Теперь, когда Дора торопливо шагает мимо церкви Святой Марии, у Стрэнда, она думает о мистере Лоуренсе.

Приятной наружности, хотя и невысокого роста, прилично одетый, одежда модного фасона. С виду джентльмен, размышляет Дора, хотя у него не те замашки. Не то чтобы он вел себя не по-джентльменски, просто что-то в его манерах не вполне соответствует типу. И его возраст... Дора приходит к выводу, что между ними едва ли большая разница в возрасте, хотя в его внешности, в его задумчивых глазах есть нечто такое, отчего он кажется много старше своих лет.

Лоуренс, повторяет она про себя. Английская фамилия. Но в его голосе слышались нотки незнакомого ей говора, близкого к кокни³⁰, который она не смогла определить. Акцент придавал его речи какую-то мягкую теплоту.

«Я уверен, что у вас тут хранится нечто, что сослужит мне добрую службу».

Ах, если бы. Хотя, кто знает, может быть, и хранится.

Она думает об Обществе древностей, в которое мечтает вступить мистер Лоуренс. А вот интересно: ее родители – если не маменька, то, по крайней мере, папенька – состояли его членами? Этого Дора не помнит. Можно себе представить, какими привилегиями обладают те, кто удостоился чести вступить в это Общество. Такие люди уж точно смогли бы упрочить доверие к репутации магазина, если бы Иезекия со своей стороны относился к наследию ее родителей с тем уважением, какого оно заслуживает.

Дора так глубоко погружена в свои мысли, что проходит мимо слесарной мастерской, и, только когда воздух разрывает истошное ржание лошади, она, очнувшись, вздрагивает, оглядывается в сгущающихся сумерках и понимает, что пропустила нужный дом. Ругая себя за невнимательность, девушка возвращается к мастерской, опускает голову, входя под низкий козырек дверного проема, и толкает дверь.

²⁹ Английский механик и слесарь (1748–1814). Считается изобретателем огнеупорного шкафа с секретным замком (позднее их стали называть сейфами).

³⁰ Простонародный говор жителей Лондона из низших классов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.